Вольфганг Акунов

КРЕСТОНОСЦЫ В «ЗАМОРЬЕ»

Алетейя

Вольфганг Викторович Акунов

Крестоносцы в «Заморье»

Серия «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74630811
В.?В.?Акунов. Крестоносцы в «Заморье»: Алетейя; СПб.; 2026
ISBN 978-5-00267-110-6

Аннотация

В 1099 году западноевропейские крестоносцы – «франки» освободили от «агарянского ига» Святой Град Иерусалим и основали в Сирии и Палестине несколько христианских – «латинских» – государств, вошедших в историю под собирательным названием «Заморье» («Утремер»). «Заморское» королевство «франков» со своими сателлитами вело ожесточенную борьбу против окружающего мусульманского мира, не желавшего мириться с потерей Святой Земли. В ходе этой борьбы «франки» периодически заключали союзы с теми или иными мусульманскими участниками большой геополитической игры и с Византийской империей, пока, наконец, не потерпели в

этой борьбе поражение ввиду неравенства сил и многочисленных собственных ошибок. Перипетиям этой борьбы и внутренней жизни «Заморья», в которой важную роль играли духовно-рыцарские ордены, главным из которых был Орден бедных соратников (рыцарей) Христа и Храма (тамплиеров), и посвящена книга нашего давнего автора Вольфганга Акунова.

Содержание

Раздел I. ПРЕЛЮДИЯ 7
Зачин 8
1. Возникновение и распространение Ислама 8
2. Христианские паломники и Крестовые походы 22
3. Первый Крестовый поход 38
Глава первая 55
1. Армянская обетованная земля 55
2. Скорбя и ликуя 62
3. Дагоберт коронует Балдуина в Вифлееме 68
4. Ломбардцы и другие крестоносцы 76
5. Бойня под Мерсиваном 79
6. Три сражения – три поражения 84
7. Скачка наперегонки со смертью 88
Конец ознакомительного фрагмента. 91

В. В. Акунов
Крестоносцы в «Заморье»

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. В. Акунов, 2026

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2026

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ ЖЕНЫ ВАЛЕРИИ

Раздел I. ПРЕЛЮДИЯ

Если кому-либо моя работа покажется никуда не годной или не отвечающей ожиданиям, я все же буду удовлетворен тем, что сделал все, что было в моих силах.
Бернар Клервосский. «Похвала новому рыцарству».

«Истинная война – война религиозная; она ведет прямо к гибели, и безумие людей проявляется во всей своей полноте. Многие войны, в особенности те, которые вызваны национальной враждой, относятся к тому же разряду, и это настоящие поэмы».
Новалис.
«Генрих фон Офтердинген».

Зачин
Возникновение и распространение Ислама – Христианские паломники и Крестовые походы – Первый Крестовый поход

1. Возникновение и распространение Ислама

«Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах и с быстротою ветра понесутся по земле, так что наведут страх и трепет на всех, которые услышат о них».
Третья книга Ездры, 15.29

С появлением пророка новой, крайне воинственной, религии, Ислама – это слово в переводе с арабского означает «покорность» (Богу) – Магомета, или, точнее, Мухаммеда (буквально: «достохвального»; так был прозван своими арабскими последователями житель города Мекки Абу аль-Касим бен Абдаллах ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим из древнего рода Хашимитов, входившего в племя корейшитов) изменились весь ход истории и весь облик «Леван-

та» (Ближнего Востока).

Ислам как бы наложился на все предшествовавшие ему древние культуры и народности Востока, и, после утверждения своего господства над ними, дал им новый Закон, изложенный в Священной Книге мусульман – Коране («Благородном свитке»). В 622 году Христианской эры произошло бегство (арабск.: Хиджра) пророка Мухамммеда из его родного города Мекки (где ему угрожала кара за проповедь нового вероучения) в город Ятриб (Медину), издавна конкурировавший с Меккой (не зря говорят, что нет пророка в своем отечестве). А к моменту смерти Магомета в 632 году Христианской эры (или 10 году Хиджры, по новому мусульманскому летоисчислению) пророк, окруживший себя необычайно фанатичными и храбрыми людьми, порвавшими ради него все семейные и родоплеменные связи, был уже повелителем всего Аравийского полуострова. Его воины (охваченные религиозным пылом «провозвестников нового мира», уже имевшие многолетний опыт службы в войсках соседних государств, с которыми теперь вознамерились воевать) устремили свои взоры как на зороастрийский, или маздаясснийский, Эраншахр (Иран), так и на Христианский Запад, намереваясь нести на остриях мечей учение своего пророка и туда. Халиф (наместник пророка) Омар, или Умар, друг и советник Мухаммеда, в 638 году вступил в Иерусалим.

По авторитетному мнению академика Льва Николаевича Гумилева, мусульманская религия представляет собой, в

сущности, вариант раннего, дособорного Христианства, почерпнутого мекканцем (и, соответственно, провинциалом) Мухаммедом из разговоров, в том числе и с караванщиками и купцами, приходившими в торговые города Аравии, включая его родную Мекку, из богатых мегаполисов тогдашнего средиземноморского мира – метрополий Восточной Римской («Византийской») империи (или, по-гречески, «Ромейской василии» – «Римского царства») – Пальмиры (древнего Тадмора), Антиохии и Иерусалима. То Христианство, которое они проповедовали, было особой христианской ересью – савеллианством, или учением Павла Самосатского (проповедью строгого единобожия, согласно которому Иисус был человеком, пророком, но не Богом Сыном, единосущным Богу Отцу) и модализмом (учением о проявлении Единого Бога в разных лицах – в отличие от утвержденного Никейским Вселенским собором Христианской Церкви учения о Нераздельной и Неслиянной Божественной Троице). Это учение было отвергнуто еще Никейским собором как ложное, но сохранилось и после Никейского собора в Сирии и Аравии. Приняв эту христианскую ересь за подлинное Христианство, Мухаммед счел современных ему православных христиан, верующих в Бога-Троицу, многобожниками (или, конкретнее – троебожниками), а себя проповедником истинной веры в Единого Бога Ибрагима (Авраама), Исхака (Исаака) и Якуба (Иакова), искаженной как современными ему талмудистами-иудеями, так и христианами господствующей у ро-

меев-«византийцев» православной Церкви (в ту пору православную веру исповедовали христиане не только Востока, но и Запада; разделение Христианской Церкви на римско-католическую и греко-кафолическую, или греко-православную, произошло лишь в 1054 году, да и после этого официального акта взаимного отлучения от Церкви папы римского и патриарха Константинопольского, еще долго носило формальный характер).

Говоря об Исламе как религии и об изначально присущем этой религии стремлению к экспансии, необходимо учитывать следующее обстоятельство.

С точки зрения Ислама весь обитаемый мир подразделяется на три «области»:

1) «Дар-аль-Ислам»;

2) «Дар-аль-Харб»;

3) «Дар-ас-Сульх».

Это три «области», модель которых определяет три «подобласти», особый правовой, морально-нравственный и гуманитарный режим действий.

«Дар-аль-Ислам» – это область, в которой проживает наднациональная мусульманская община («умма»). В этой области все устроено в соответствии с Божественными установлениями («волей Аллаха»).

«Дар-аль-Харб» – это область, в которой мусульмане живут под властью немусульман («кяфиров» или «гяуров», то есть «неверных»). Там (выражаясь современным языком)

«не действует обычное международное гуманитарное право». Война в этой области ведется по особым законам. Пленных брать не обязательно. Дозволено брать в заложники женщин, детей и стариков и торговать ими.

«Дар-ас-Сульх» – область, в которой (пока) нет мусульман. В отношении этой области следует в течение десяти лет соблюдать перемирие, после чего необходимо рассмотреть, что делать с данной территорией, как ее захватить и освоить.

В эпоху, предшествовавшую периоду Крестовых походов, Христианский мир стоял перед крайне опасной (для всякого верующего христианина, озабоченного не только земным существованием своей бренной телесной оболочки, но и спасением своей души) перспективой постепенного освоения и захвата мусульманскими завоевателями.

Как писал Сергей Сергеевич Аверинцев:

«Такие земли, как Сирия, где впервые было произнесено слово «христианин» (Деян. 11:26), Малая Азия, церкви которой символизируют в Апокалипсисе все христианство мира (Откр. 1:11 и далее), Египет, где в пустыне впервые созрело христианское монашество, а в Александрии – христианское любомудрие, наконец, Северная Африка, где христианство впервые заговорило по-латыни, – все были отняты исламом…» («Христианство в XX веке»).

К 700 году по Рождестве Христовом Сирия, Палестина, Египет и Северная Африка (принадлежавшие православной Восточной Римской, или «Византийской», империи – Рома-

нии) оказалась под властью арабов-мусульман, сломивших сопротивление «византийских» войск и североафриканских берберских племен. Сообразив, что надо дать выход энергии с трудом подчиненных берберов, арабские завоеватели бросили их на завоевание Христианской Испании под командованием полководца Тарика. Через одиннадцать лет арабы и обращенные в ислам берберы («мавры») захватили обширные территории в Испании, а в двадцатые годы того же VIII века мировая мусульманская держава – Халифат – уже простиралась от Пиренеев и Луары до Индии и Китая. В 732 году Христианской эры домоправитель (майордом, лат. «maiordomus») франкского царя из дома Меровингов Карл Мартелл с величайшим напряжением сил разгромил в битве при Пуатье мусульманское войско перешедшего Пиренеи арабского вали (правителя) Испании Абд ар-Рахмана. Хотя мусульмане еще долгое время после этого нанесенного им поражения продолжали терроризировать своими набегами Христианскую Европу (в особенности – Италию, которую постоянно опустошали, чуть не взяв в 846 году сам «Вечный город» – «Первый (Ветхий)» Рим-на-Тибре – резиденцию предстоятеля Христианской Церкви Запада – римского понтифика-папы), шок от неудачи при Пуатье настолько врезался им в память (вероятно, даже на генетическом уровне), что они впредь стали называть всех западных христиан (именовавшихся «латинянами», поскольку богослужение у них велось на латыни – разговорном языке западной части неко-

гда единой Римской империи), противостоявших им на полях сражений, «франками» (со временем на развалинах распавшейся Франкской державы образовались Франция, Германия и ряд других Христианских европейских государств, некоторые из которых существуют и поныне).

Почти одновременно, в 751 году, мусульманскому экспедиционному корпусу арабского полководца Зияда ибн Салиха удалось, при поддержке тюркского племени карлуков, или харлуков (обратившихся в Ислам), нанести поражение армии китайской империи Тан и положить конец претензиям китайцев на Среднюю Азию, превратившуюся в мусульманский регион (хотя и не сразу).

В результате всех этих завоеваний и побед адептов веры, проповедуемой пророком Мухаммедом, западная граница «державы правоверных» – Арабского Халифата – в VIII веке от Рождества Христова отстояла от ее восточной границы на более чем пятнадцать тысяч километров. Халифат значительно превышал по своим размерам все предшествующие ему в мировой истории великие державы – Древнеперсидское царство Ахеменидов, государство Александра Македонского, Сирийское царство Селевкидов, Парфянское и Кушанское царства, Римскую империю и Новоперсидскую державу Сасанидов (Эраншахр, или Иран).

В завоеванных и исламизированных ими в первую очередь силой меча (и уж во вторую очередь – силой проповеди) странах мусульманские завоеватели столкнулись с высоко-

развитыми культурами, которые были ими сохранены и использованы себе на потребу. Речь шла о древнейших в мире культурах, слившихся воедино благодаря влиянию древних греков и римлян, и позднее заложивших основу всей Христианско-европейской культуры и цивилизации. Один из крупнейших культурных центров Древнего Мира и раннего Средневековья располагался в Междуречье (между реками Тигром и Евфратом), другой – в Египте. Территории, расположенные между ними, являлись желанным яблоком раздора между господствовавшими в «Леванте» (на Ближнем Востоке) державами. Это состояние могло оказаться для них чрезвычайно опасным в случае, если бы Междуречье (Двуречье, Месопотамия) и Египет оказались под властью одной державы, проводящей единую политику.

Во все времена, как тогда, так и ныне, библейская Святая Земля – Палестина – в такой ситуации оказывалась как бы между двумя жерновами. Сегодня мы даже не можем представить себе, насколько богатой и процветающей была эта неоднократно перемалываемая беспощадными жерновами истории страна, некогда текшая, по выражению папы римского Урбана II, «млеком и медом», поскольку ее хозяйство, вследствие многочисленных войн, не прекращающихся и поныне, пришло за последние столетия в глубокий упадок, причем оказалась практически уничтоженной древняя оросительная система, а население было поставлено на грань вымирания. В эпоху поздней Римской империи в этой ны-

нешней «священной пустыне» располагалось бесчисленное множество древних городов с сотнями тысяч жителей.

Уже тогда в Сирии и Палестине существовали блестящие высшие школы – центры утонченного образования, унаследовавшие культуру и науку поздней Античности. В «византийскую» эпоху даже земли вокруг нынешнего Багдада – столицы Ирака – были населены христианами – как православными, так и верующими, принадлежавшими к другим древним Христианским Церквям. Армения, Месопотамия, Палестина, Сирия и Египет были землями, на которых раньше всего утвердилось Христианство.

Как писал академик Лев Николаевич Гумилев в своем известном «Апокрифическом диалоге», арабы в VII–VIII вв. расправлялись с персами, армянами, испанскими вестготами, берберами, а согдийцев – культурный и богатый народ – уничтожили так, что от них остались только реликты в недоступных горах Гиссара и Западного Памира.

Тем не менее, хотя исламское завоевание не обошлось без неизбежных в таких случаях жестокостей, новые владыки «Леванта» – Ближнего Востока – очень скоро приспособились к изменившейся ситуации и всего через несколько поколений полностью растворились в местном населении. До самого начала эпохи Крестовых походов в «Леванте» существовало бесчисленное множество мелких государств, не имевших между собой ничего общего, кроме мусульманской веры, шариатского (исламского) права и арабского языка.

Этот официальный государственный и священный язык, на котором велось судопроизводство и был записан Коран, объединял все исповедовавшие ислам народы от Индии до Испании и превращал их всех в «арабов» – членов единой мусульманской общины (упомянутой выше «уммы»), независимо от происхождения и даже разговорного языка.

На Христианском Западе всех мусульман именовали «магометанами» (по основателю их религии Мухаммеду-Магомету), «сарацинами» (по названию одного из мелких арабских племен, известного еще древним римлянам и игравшего определенную роль в бесконечных войнах между Римом, с одной, и аршакидской Парфией, а позднее – сасанидской Персией, с другой стороны), «агарянами» (в честь Агари – наложницы библейского патриарха Авраама, или Ибрагима, родившей ему сына Измаила) или же «измаильтянами» (в честь вышеупомянутого Измаила, считавшегося прародителем всех кочевых племен Аравийского полуострова – не путать с измаилитами-исмаилитами – приверженцами одной из мусульманских сект!).

У мусульман в пору их пассионарного взлета (если использовать терминологию Л. Н. Гумилева), казалось, было то, чего тогда так не хватало Христианскому Западу – чувство единства и относительно спокойного существования. На протяжении столетий мирной жизни во многих мусульманских, или «сарацинских», землях культура достигла высочайшего расцвета. Жители мусульманских городов – по-

томки арабских завоевателей, слившиеся с насильственно исламизированным местным населением – стали настолько изнеженными, что предпочитали вести военные действия руками наемных воинов (преимущественно тюркского происхождения).

В эти издревле густо населенные земли постоянно совершали вторжения все новые чужеземные завоеватели, приходившие чаще всего из глубин Азии. Однако, осев на завоеванных территориях, они, как уже было сказано выше, в скором времени утрачивали свой воинственный дух. Знамя пророка (какого бы оно ни было цвета – зеленого омейядского, черного аббасидского или белого фатимидского), выпав из ослабевших рук арабов, удивительно быстро давших развратить себя благами цивилизации, было подхвачено руками омусульманившихся персов, берберов, тюрок, курдов и других народов, утвердивших его «у стен недвижного Китая», на жарком полуострове Малакка и островах Индонезии, на берегах древней реки Ра-Итиль среди волжских булгар и в других, весьма отдаленных от Мекки и Медины, местах. Жители мусульманского «Леванта» обладали превосходным вооружением, что не удивительно, ибо они были знакомы со всеми видами металлов и металлообработки. Им давно был известен и порох (через китайцев), хотя они еще не использовали его для стрельбы.

Подобно «франкским» рыцарям, «сарацинские» фарисы носили панцирные рубашки, под которые поддевали стега-

ные войлочные куртки. Огромной популярностью пользовались спортивные состязания всех видов, упражнения с оружием, скачки и поединки между всадниками, покрытыми броней. По мнению некоторых исследователей, турниры были переняты западным рыцарством именно от «сарацинских» фарисов в эпоху Крестовых походов (так же, как сами арабы в свое время переняли их у персидских витязей Сасанидской эпохи), в то время, как в предшествующую эпоху под словом «турнэ» на Западе понимали не воинские ристания, не поединки с оружием, а обычные конные состязания, вроде скачек. Иные гербоведы находят истоки позднейшей западной рыцарской геральдики именно в исламской военной культуре (несмотря на существовавший у мусульман запрет на изображения животных и людей; впрочем, данный запрет соблюдался далеко не всегда и не повсеместно).

К X веку п. Р.Х. политический распад некогда единой духовно-светской державы мусульман – Арабского Халифата – стал свершившимся фактом (то же самое фактически произошло и на Христианском Западе с основанной франкским царем Карлом Великим и возобновленной германским королем Оттоном Великим «Священной Римской империей»). За халифами осталась, главным образом, духовная власть над формально по-прежнему считавшейся единой «нацией ислама» – упомянутой выше «уммой», реальная же политическая власть перешла в руки султанов.

Слово «султан» – арабского происхождения и означает

«единство власти». В священной книге мусульман Коране слово «султан» используется для обозначения отвлеченного понятия власти как таковой. Именно в этом смысле следует понимать приписываемое пророку Мухаммеду изречение (хадис): «Султан есть тень Бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный».

Впоследствии однако султаном стал именоваться в мусульманском мире всякий представитель светской власти, в противоположность имаму (религиозному авторитету). Впервые слово «султан» в этом новом, персонифицированном, смысле, было употреблено историком Табари по отношению к Муваффаку, брату халифа аль-Мутамида в 876 году.

После 946 года Христианской эры, когда мусульманские военачальники иранского происхождения – Буиды, или Бувайхиды – лишили багдадских халифов из Аббасидской династии (правивших под черным знаменем) светской власти, сделавшись при них наследственными верховными главнокомандующими всех войск Халифата, «султанами» стали называть всех светских правителей, независимо от размеров контролируемой ими территории. Сами Буиды, фактически превратившие арабский халифат Аббасидов, от которого откололись Египет (с Северной Африкой) и Испания (там образовались собственные халифаты – Каирский халифат измаилитов-Фатимидов в Египте и Северной Африке под белым знаменем и Кордовский халифат наследников преж-

ней династии Омейядов в Испании под зеленым знаменем), в возрожденную (на новой, мусульманской основе) Иранскую державу – Эраншахр – присвоили себе старинный титул персидских владык из династии Сасанидов – «шахиншах ал азам» (по-арабски: «малик ал-мулук»), то есть «царь царей» («император»).

С середины XI века п. Р.Х., когда туркменские племена-огузы (ставшие известными под именем турок-сельджуков), свергнув власть Буидов и заняв их место светских владык при бессильных аббасидских халифах Багдада, установили свою власть на большей части Арабского Халифата (после чего, в свою очередь, достаточно быстро иранизировались), «султанами» стали называть себя только главы независимых династий (например, династии Сельджукидов), в то время как их родственники и вассалы должны были довольствоваться более скромным титулом «царь» (по-арабски: «малик», по-персидски: «шах»).

Скажем теперь несколько слов о взаимоотношениях между христианами «Леванта» и мусульманскими завоевателями. Чем дольше адепты этих двух религий жили бок о бок друг с другом, тем большую терпимость они проявляли друг к другу. Дело зашло так далеко, что практически все государственные должности (кроме должности «кадия», то есть судьи, остававшейся привилегией исключительно мусульман) оказались доступными для исповедника любой религии. Мусульманские владыки имели даже визирей (первых

министров), исповедовавших иудейскую веру. Поэтому приток христианских паломников в Иерусалим, не иссякавший никогда, долгое время был желанным для мусульман – хотя бы из-за денег, получаемых ими от паломников.

В XI веке Христианские святыни Иерусалима (или, по-арабски – Аль-Кудса) посещало до двадцати тысяч паломников ежегодно. Порой в магометанских городах даже строили новые христианские церкви. Многие христианские монастыри пользовались среди мусульман (все более проникавшихся, с момента прихода к власти иранизированных Аббасидов, духом иранской, персидской культуры винопития) большой популярностью, поскольку монастырские виноделы занимались распивочной торговлей запретным для магометан вином. С другой стороны, мусульмане нередко тоже совершали паломничества и посещали христианские церкви поклониться выставленным там реликвиям.

2. Христианские паломники и Крестовые походы

Иерусалим, Иерусалим, горькая моя мечта.
Иерусалим, Иерусалим, Город моего Христа.
Иерусалим, Город городов, колыбель былых слав,
Припади к Христу, Он принять готов,
не помянет язв, зла.

Иеромонах Роман Матюшин.
«Иерусалим»

Глубинный смысл паломничества в Святую Землю заключается в стремлении христиан посетить места земной жизни Спасителя. Паломничества начались еще в самую раннюю эпоху существования Христианства. Паломники (пилигримы) прибывали в Палестину изо всех стран, где только существовали Христианские общины. Слово «пилигрим» происходит от латинского слова «перегрин», peregrinus, то есть «странник». Соответствующее ему русское слово «паломник» – от обычая странников в Святую Землю привозить оттуда пальмовые ветви, которые они затем хранили под образами и с которыми ходили, вместо заменявших их в холодных северных странах ветвей вербы, в церковь в День Входа Господня в Иерусалим (известный на Руси в просторечии как «Неделя Ваий», или «Вербное воскресенье»).

Огромное значение для всего Христианского мира имело паломничество в Палестину Святой Равноапостольной Елены, матери римского императора Константина I Великого, основателя Константинополя – новой имперской столицы на Босфоре. Царица Елена не только посетила все места земной жизни и деятельности Христа, но и немало способствовала распространению почитания святых мест среди христиан Римской империи. Она оказалась, так сказать, самой удачливым археологом античного мира, ибо в поисках реликвий

Страстей Господних по приказанию царицы был раскопан Голгофский холм – место казни Спасителя – и были удалены все постройки, закрывавшие Живоносный Гроб Господень.

Дело в том, что древнеримский император Адриан, подавивший второе антиримское восстание иудеев (132–135 гг. п. Р.Х.), приказал насыпать поверх Голгофы террасу и построить прямо над Гробом Господним языческий храм богини Венеры (Афродиты). Но проживавшая в Иерусалиме древнехристианская община не забыла, где расположено место, на котором разыгралась Божественная драма. Благодаря тому, что эта изустная традиция оказалась сохраненной, Святая Елена смогла произвести свои раскопки в нужном месте. Чтобы сделать Гроб Господень доступным взорам всех христиан, Святой Равноапостольный царь Константин I Великий повелел построить над Живоносным Гробом молитвенный дом, позднее превратившийся в Храм Гроба Господня. Невзирая на все превратности судьбы, Храм Святого Живоносного Гроба Господня на протяжении тысячелетий остается главной святыней всех христиан мира. Не удивительно, что именно ей в первую очередь и стремились поклониться паломники в Святую Землю.

Однако императрица Елена обрела еще и другую реликвию, обладавшую величайшей ценностью в глазах всех христиан – Истинный Крест (лат.: Vera Crux), на котором Христос сам принес себя в жертву за страждущее человечество. Неподалеку от скального грота (кувуклии) были найдены три

Креста с гвоздями. Нашедшие их не сомневались в том, что обрели в их числе и Истинный Крест. Радость обретших Кресты была поистине неописуемой, тем более, что они были уверены, что определили среди трех Крестов Истинный. Все это, конечно, легенды. Исторические корни обретения Святого Истинного Креста скрыты во мраке времен. Императрица Елена послала частицу Истинного Креста своему венценосному сыну в Константинополь, а большую часть Креста, оправив ее в серебро, отдала на сохранение в Храм Живоносного Гроба Господня.

С тех пор эта реликвия, наряду с самим Храмом Гроба Господня и с другими святынями, стала предметом почитания и поклонения всех христиан Востока и Запада. В истории Крестовых походов она играла совершенно выдающуюся роль. Так, например, в решающей битве армии Иерусалимского королевство с султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) у «рогов Хиттина (Хаттина)» в 1187 году «латинский» епископ Акрский нес ее перед всем «франкским» войском, пока она не попала в руки сарацин после сокрушительного поражения армии крестоносцев.

Один из гвоздей, которыми Спаситель был прибит к Голгофскому Кресту, императрица Елена повелела вделать в свою корону, вместе с Частицей Святого Животворящего Креста. Другой Голгофский гвоздь был подарен благочестивой царицей своему державному сыну – императору Константину I Великому, повелевшему вделать его в уздечку

своего коня. Но довольно об этом…

Когда арабы-«сарацины» в 637 году отняли Палестину у василевсов (царей, то есть императоров) православной Восточной Римской империи – «Византии» – паломничества к святым местам не прекратились. Правда, сарацины переделали некоторые церкви в мечети и подвергли Христианский культ определенным ограничениям, однако они не чинили никаких препятствий Христианским паломникам.

И лишь в 969 году, когда власть над Египтом и Палестиной перешла к халифам измаилитской (то есть еретической, с точки зрения правоверных мусульман-суннитов, и даже якобы имевшей иудейское происхождение) династии Фатимидов (поднявшим над своими владениями белое знамя), последние стали препятствовать паломничеству христиан в Святую Землю. Христиан начали притеснять, угнетать, а с паломников к святым местам взимать специальный налог. Так, в 1009 году египетский халиф-измаилит Хаким приказал разрушить православный иерусалимский Храм Живоносного Гроба Господня.

В связи с этим кощунством папа римский даже выступил с проповедью «священной» войны против мусульман (хотя вообще-то идея священной войны – «джихада» – была изначально свойственна не христианскому, а как раз мусульманскому вероучению). Затем (после бесследного исчезновения безумного халифа Хакима) положение христиан в Святой Земле снова несколько облегчилось, но только на

время, пока из Центральной Азии в Палестину через Багдад не вторглись упомянутые выше тюрки-туркмены, именовавшиеся, в честь своего первого предводителя Сельджука, турками-сельджуками.

Именно появление в Земле Воплощения турок-сельджуков и связанные с их вторжением сложности, возникшие перед христианскими паломниками, послужили непосредственным поводом к началу Крестовых походов. Подлинным шоком для всего Христианского мира стала судьба крупнейшего паломничества XI века, проходившего под предводительством архиепископа Майнцского и епископов Бамбергского, Регенсбургского и Утрехтского, за которыми в Святую Землю последовало от семи до двенадцати тысяч паломников. В соответствии с давней традицией, пилигримы не имели при себе никакого оружия. Воспользовавшись этим, сельджуки напали на беззащитных паломников и ограбили их, а многих ранили и даже убили.

И тогда в возмущенных христианских сердцах и умах зародилась мысль о необходимости вырвать из рук «неверных» землю, освященную земным пребыванием Спасителя.

К тому же Иерусалим был важен для христиан не только как место страданий и Гроба Спасителя, но и с учетом их мистических представлений об Иерусалиме Небесном. Последний как бы отбрасывал на земной Иерусалим небесный отблеск Горнего Мира. Менее образованные крестоносцы попросту ассоциировали Иерусалим Земной с Иерусали-

мом небесным, то есть с раем. Побывать в Иерусалиме, а тем более завершить там свой жизненный путь, означало для них побывать в раю, или попасть в рай после смерти. Насколько эта кажущаяся сегодня многим из нас странной идея привлекала поначалу лишь мирных паломников, а затем и вооруженных пилигримов-крестоносцев, со всей очевидностью явствует из дошедших до нас слов проповеди, произнесенной епископом Венецианским Энрико перед своими земляками, собравшимися 25 июня 1100 года у Святого Живоносного Гроба Господня.

Епископ напомнил пилигримам о чувстве безграничной благодарности, которой каждый христианин должен испытывать к Господу, который выполнил в отношении Новозаветного народа Божия обетования, данные Им народу Божьему в Ветхом Завете: «…ибо ныне вступили мы в Святыню Господа, однако что пользы в том, чтобы войти в Иерусалим земной и в рукотворный Храм, если христиане не станут также частью общины Иерусалима небесного, незримого Храма Царства Божия…».

Существовало, впрочем, еще одно обстоятельство, имевшее огромное значение. Одновременно с захватом турками-сельджуками власти над Палестиной христианская «Византия» подверглась нашествию кочевых тюркских орд племенного союза канглы – пацинаков (пацинакитов), или баджанаков (известных русским под именем «печенегов», которых «византийцы» на манер античных эллинов именовали,

по старой памяти, «гуннами» или даже «скифами»), и нападениям воинственных горных племен, которым она оказалась не в состоянии сопротивляться. Попавший в безвыходное положение восточноримский император Алексей I Комнин обратился к папе римскому Урбану II (годы понтификата: 1088–1099) с предложением возобновить переговоры о церковной унии (объединении, или, выражаясь точнее, воссоединении) «Византии» с Римом. Соответствующее письмо константинопольского василевса римскому папе сохранилось в архивах Ватикана. При этом «византийский» самодержец, однако, стремился прежде всего получить с Запада военную помощь.

На Христианском Западе же эпоха классического христианского религиозного сознания приближалась к своему апогею. Власть и авторитет папства укреплялись от папы к папе. Они начинали свои послания – ни много, ни мало! – словами: «Мы, Святой Петр (!!! – *В. А.),* повелеваем…»! В конце концов, папа римский Иннокентий III (годы понтификата: 1198–1216) почувствовал себя достаточно могущественным для того, чтобы сделать следующее заявление:

«Господь предал во власть Петра не только всю Церковь, но и весь мир». С той поры папы римские, как символ этой двойной, духовной и светской, власти, стали носить тиару с двойной короной.

При папе римском Григории VII (годы понтификата: 1073–1083) данный процесс вступил в свою решающую фа-

зу. Григорий (носивший до своего избрания римским Великим понтификом имя Гильдебрандт) бывший монах бургундского Клюнийского монастыря, центра реформ, направленных на обновление и упорядочение Западной Церкви, призванный папой Львом IX (годы понтификата: 1049–1054) в Рим, стремился к осуществлению идеи Царства Божьего на земле под руководством папы римского, требуя ото всех духовных и светских властей безусловного подчинения папе, как наместнику (викарию) Христову на земле. Его целью было устроение христианского сообщества таким образом, чтобы руководство им осуществляла только папская власть.

Сам папа римский Григорий VII, прозванный святым сатаной, формулировал свою мысль следующим образом: «Апостольская (папская – *В. А.)* власть подобна солнцу, а королевская власть – луне. Подобно тому, как луна светит отраженным светом солнца, так императоры, короли и князья властвуют лишь по воле папы, а папа – по воле Божьей. А посему власть папского престола неизмеримо больше власти тронов.

Король ниже папы, подчинен ему и обязан ему послушанием, ибо папа наместник самого Бога по воле Божьей, и все подчинено ему».

В 1075 году был обнародован так называемый «Папский диктат» (лат. «dictatus papae»), содержавший двадцать семь статей, согласно которому одному только папе римскому

принадлежало право назначения, смещения и перевода с одной кафедры на другую епископов, разрешения правовых споров, созыва церковных Соборов, суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, освобождения подданных от присяги верности императору или князю (в случае вступления таковых в конфликт с папской властью; последнее на языке папских декретов именовалось «неправедностью»!), возложение на императора короны и других знаков отличия. Согласно Диктату, никто не имел права судить папу, а все князья должны были целовать его башмак в знак того, что только папа римский является «наместником (заместителем) Иисуса Христа на Земле», или даже «Вице-Христом» (лат.: «Vice-Christus»)!

Согласно утверждениям папы Григория VII, все государи являются непосредственными вассалами «апостольской кафедры» (римской курии, или папского престола), из рук представителя которой получают на ленных началах княжеское, королевское и императорское право, принося папе римскому ленную присягу. Таким образом, монархическая власть лишалась всякого наследственного характера, и ни один христианский император или король не был вправе передавать свою власть по наследству, если против этого возражала римская курия – папское правительство.

Папа римский Бенедикт XI, не менее властный и амбициозный, чем Григорий VII, даже появлялся перед верующими, опоясанный мечом и с золотыми шпорами, предшествуемый

монахом, несшим 2 меча, как символы высшей светской и духовной власти папы римского над всем миром, под возгласы: «Вот, здесь два меча!» (Лк. 22б 38), и обращался к пастве со словами: «Аз есмь кесарь, аз есмь император» (лат.: «Ego sum Caesar, ego sum Imperator»)!

При коронации королей Христианского Запада читалась булла папы Бонифация VIII «Unam Sanctam» («Всякая тварь подчинена Папе»), в которой говорилось:

«Итак, оба меча находятся в обладании Церкви, и духовный, и материальный. Но второй должен употребляться за Церковь, а первый – Церковью; один рукой священника, другой – рукой царей и воинов, но по приказанию Церкви в покорность ей. Надобно ведь, чтобы один меч был под другим, и светская власть подчинялась духовной… Духовная власть должна устанавливать земную и судить ее, если она окажется недоброй… Посему, если уклонится с правильного пути земная власть, ее будет судить духовная. Поистине римскому первосвященнику подчиняется всякое человеческое существо, и мы объявляем, утверждаем, определяем и возвещаем, что сие необходимо для спасения (души – *В. А.)*».

Этим претензиям римских пап на абсолютную верховную духовную и светскую власть, однако, изначально противостояли претензии королевской и императорской власти, носившей сакральный характер еще со времен Константина I Великого. Именно при этом римском императоре (которого, как основателя «Нового Рима» – Константинополя, име-

новавшегося на Руси Царьградом или Цареградом – с полным правом можно считать подлинным создателем Восточной Римской – «Византийской» – империи) была разработана теория Христианского государства.

На первом, созванном по воле Святого Равноапостольного царя Константина, Никейском Вселенском соборе 325 года была провозглашена идея о Римской империи (тогда еще единой) как Христианской державе и о римском императоре как носителе не только верховной светской, но и верховной духовной власти. С тех пор – то есть задолго до римского папы! – римский (а позднее – восточноримский, император-автократор) официально рассматривался своими подданными, в том числе и духовного звания, как наместник Бога на земле.

После формального восстановления (с подачи папы римского) Западной Римской империи франкским царем Карлом Великим в 800 году, претензии на подобное же отношение со стороны своих подданных стали высказывать и имевшие германское происхождение императоры так называемой «Священной Римской империи», а затем – пришедшей ей на смену «Священной Римской империи германской (тевтонской, или немецкой) нации» (лат.: Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae)… Правда, восточноримские императоры (василевсы-автократоры) не признавали претензий Запада на римское наследие, ссылаясь на то, что воин из племени скиров (а по другим сведениям – герулов, или

эрулов) Одоакр (Отакер, или Оттокар), начальник германских телохранителей последнего западно-римского императора Ромула Август(ул) а, сместив его с престола в 476 году, заставил римский сенат официально постановить, что западной части Римской империи отныне не нужен собственный император, и что Римская (Ромейская) держава, после ста лет разделения, вновь имеет только одного и истинного императора – на Востоке, в Новом Риме, то есть в Константинополе.

После принятия сенатом Первого, или Ветхого, Рима данного судьбоносного постановления, Одоакр, удовольствовавшись для себя «скромным» званием правителя Италии – под верховным главенством константинопольского императора – отослал тому в «(Новый) Рим»-Константинополь отнятые им у отрешенного от власти Ромула Август(ул)а знаки императорской власти – диадиму (венец, или корону) и багряницу (пурпурную мантию), заявив при этом, что «как на небе есть только одно солнце, так и на земле должен быть только один император – владыка всех народов». Таким образом, 476 год п. Р.Х., воспринимаемый нами как «год падения Западной Римской империи», воспринимался современниками событий, наоборот, как год восстановления целостности и единства Римской империи!

Правда, неблагодарный восточноримский император Зенон (Зинон) уничтожил Одоакра руками своего союзника, ост(ро) готского короля Теодориха (Феодориха), но и по-

следний, в течение всего своего правления в Италии (493–526), правил именем константинопольского императора, чеканил на своих монетах его изображение и на всех публичных надписях ставил свое собственное имя только после императорского.

При восточноримском императоре Флавии Юстиниане I Святом (прозванном также Великим), строителе Софийского собора в Константинополе, правившем в первой половине VI века, был положен конец владычеству готов в Италии, присоединенной к империи. «Первый (Ветхий) Рим» был снова подчинен «Второму (Новому) Риму» – граду Святого Равноапостольного царя Константина.

Вместе с Италией он оставался частью священной Христианской империи, пока римские папы, обуреваемые жаждой власти, не пришли к мысли о необходимости противопоставить Константинополю и Восточной Римской империи, как законной преемнице Древнего Рима и хранительнице истинной, православной веры, свою собственную, западную «антиимперию» во главе с франкскими царями.

Свергнув законную династию франкских царей из дома Меровингов, чей основатель и первый царь франков Хлодвиг (Хлодовек, Хлодовик или Кловий; впоследствии французские историографы стали считать его «первым королем французов» под именем «Людовика I», хотя официальным титулом всех королей Франции вплоть до Карла X из династии Бурбонов, свергнутого Июльской революцией в 1830

году, оставался титул «царя франков», или, по-латыни, «rex francorum»), основывал свою власть на титулах римского патриция и консула, полученных им от (восточно)римского императора, приславшего ему из «(Нового) Рима» – Константинополя – корону и багряницу, помазанный на царство галльским духовенством, подчиненным православному Патриарху Константинопольскому, проводил политику в интересах (Восточной) Римской империи, узурпаторы Каролинги, в лице Карла Великого, короновались из рук папы римского царским венцом (императорской короной) Западной Римской империи – короной давно не существующей державы, воссоединенной с Восточной Римской империей постановлением римского сената за три с половиной века перед тем! Папа римский Лев III на Рождество Христово 800 года провозгласил в римской базилике Святого Петра царя франков Карла «римским (а не франкским – как сказал бы Пушкин, «дьявольская разница»! – *В. А.)* императором Карлом Августом».

Так потомок узурпаторов франкской царской короны, не имевших в своих жилах царской – меровингской – крови, стал обладателем римского императорского титула, упраздненного римским же сенатом еще в 476 году! Причем Карл получил этот несуществующий титул из рук римского епископа-папы, который этим титулом абсолютно не вправе был распоряжаться! Тем не менее, преемники Карла Великого, западные («латинские» – ибо официальным языком их го-

сударства и богослужения считалась латынь – «язык Вечного Рима») императоры германского происхождения, рассматривавшиеся своими подданными как наследники и правопреемники владык древней Христианской Римской империи, считали себя вправе требовать решающего голоса не только в светских, но и в чисто религиозных вопросах, рассматриваемых западным духовенством в качестве своей безусловной прерогативы.

Символическим выражением этих претензий западных (псевдо)«римских» императоров было их елеопомазание в алтаре («восьмое таинство») и возложение на них епитрахили (столы) – части священнического облачения – при коронации, или «помазании на царство», что подчеркивало духовно-священнический аспект императорской власти. В этом своем «первосвященническом» качестве западные (псевдо)«римские» императоры совершали инвеституру (назначение) имперских епископов и аббатов (игуменов, то есть настоятелей монастырей), вручая последним перстень и посох.

Вследствие столкновения претензий римских пап и «римских» императоров Запада одновременно на верховную светскую и духовную власть, между ними произошел конфликт всемирно-исторического значения – так называемый «спор об инвеституре». Своего пика этот конфликт достиг в момент, когда папа римский Григорий VII был объявлен низложенным римско-германским императором Генрихом IV

на Вормсском синоде в 1076 году и, в свою очередь, отлучил императора от Церкви.

3. Первый Крестовый поход

Меть свои крепкие латы
Знаком Креста на груди

Александр Блок. «Роза и Крест».

Столкновения между римскими папами и римско-германскими императорами продолжались на протяжении десятилетий, поэтому крестоносное движение, организованное по инициативе папы, первоначально не нашло большого отклика в германских землях. Римско-германский император и вельможи его империи были всецело заняты внутренними распрями. Бесконечные волнения в собственной стране не позволяли им участвовать в «вооруженных паломничествах» в Святую Землю.

Совсем иначе повел себя король Французский. Он охотно откликнулся на папский призыв, но не мог внести в крестоносное предприятие особо существенного вклада из-за ограниченности сил и средств, находившихся в его распоряжении. Территория тогдашних владений французских королей ограничивалась лишь центральной и северо-восточной Францией. Бургундия и Лотарингия входили в «Священную

Римскую империю» (Германию с прилегающими землями), а весь Запад сегодняшней Франции – во владения английских королей из Анжуйской династии Плантагенетов.

С наибольшим воодушевлением на призывы папского Рима идти освобождать Святую Землю от неверных откликнулись представители правящих кругов различных государств, основанных норманнами в Северной Франции, Англии, Ирландии, Южной Италии и на Сицилии. После проведения подготовительного Собора в Плацентии, или Пьяченце, куда также прибыли из Константинополя посланцы василевса ромеев Алексея I Комнина с просьбой о военной помощи против «сарацин» (упомянутых нами выше омусульманившихся турок-сельджуков и тюркского кочевого племени язычников-печенегов), представлявших к описываемому времени смертельную угрозу для самого существования «Второго Рима» на Босфоре, папа римский Урбан II произнес на Клермонском соборе Западной Церкви 27 ноября 1095 года крылатые слова: «Так хочет Бог!» (лат.: «Deus vult»), по сей день остающиеся девизом ордена рыцарей святого Гроба Господня.

К числу крестоносцев первого призыва принадлежали граф Раймунд Тулузский и Сен-Жильский (ветеран всемерно пропагандируемой и поддерживаемой папским престолом «священной» войны с маврами-«сарацинами» в Испании), брат короля Франции Филиппа I Гуго де Вермандуа и де Валуа (сын урожденной киевской княжны Анны Ярослав-

ны, дочери Великого князя Ярослава Мудрого), граф Роберт Нормандский, граф Стефан (Этьен) Блуас(с)кий, герцог Нижней Лотарингии Готфрид (Годфруа) Бульонский, его братья Евстахий (Эсташ) и Балдуин (Бодуэн) Булонские, южноитальянский норманн герцог Боэмунд Тарентский, его племянник Танкред и другие знатные землевладельцы-феодалы Христианского Запада.

Благочестивые добровольцы, пожелавшие отправиться в «вооруженное паломничество», стали, по инициативе папы римского Урбана II, высказанной на Клермонском соборе Церкви Запада, нашивать себе на одежду Кресты из цветной ткани. Впервые в истории Средневековья большая группа мирян стала носить на одежде единообразный опознавательный знак. Это нововведение сохранилось по сей день, как в военной, так и в гражданской сфере.

Знак Креста стал первым знаком принадлежности к единому войску и выражением решимости участников Крестового похода умереть на пути к Святому Граду Иерусалиму или довести дело его освобождения от власти неверных до победного конца. С тех пор Крест считался отличительным знаком христианского ополчения, воинства (лат. «militia»), под которым в описываемую эпоху на Христианском Западе подразумевалось, прежде всего, рыцарство, в связи с его тогдашней решающей ролью в военном деле. Согласно воспоминаниям современников, некоторые крестоносцы даже татуировали или выжигали себе знак Креста на лбу, груди и

правой руке.

В этом они подражали первым христианам, которые нередко наносили на себя Крест, Имя или монограмму Христа, изображение рыбы, якоря (символ спасения и надежды) и ягненка (Агнца Божия – символа Спасителя). Христианские татуировки часто делались в тех землях, где был возможен переход в иную веру – например, в захваченных турками областях Христианской Европы. И даже сейчас эфиопы и копты (египетские христиане), находящиеся в окружении мусульман, наносят себе татуировки в виде Креста на запястье. По сообщениям арабских путешественников, тюрки-кочевники в VI–VII веках, под влиянием проникших в их степные пределы христианских миссионеров (преимущественно – изгнанных из Восточной Римской империи еретиков-несториан), рисовали или татуировали себе на лбу Крест, как оберег от заразных болезней (что уже в наше время дало повод иным «ревизионистам от истории» утверждать – в частности, в посвященном всемирной истории томе вышедшей в свет в девяностые годы XX века Детской энциклопедии издательства «Аванта+», что, дескать, «тюрки изобрели христианство»).

Крестоносцы, отправляющиеся на освобождение Святой Земли от ига «агарян», делали татуировки Креста на лбу (а также, особенно часто, на сгибе руки) потому, что подобные татуировки гарантировали им Христианское погребение после смерти в бою (ведь часто только по этим отметинам мож-

но было опознать тело).

Использование Креста в качестве военного знака отличия служило выражением совершенно новой для того времени идеи слияния Воинства Небесного с воинством земным. Отсюда было уже рукой подать до креста орденских монашествующих рыцарей, которые, со знаком Креста на одежде, щитах и знаменах, указывавшим на главный, религиозный, смысл их служения, мечом защищали Христианские святыни от «неверных».

Призыв римского понтифика оказался необычайно успешным. Как писал средневековый хронист Уильям Мальмсберийский, в ответ на папский призыв идти освобождать Землю Воплощения Спасителя от мусульманского ига валлийцы оставили свою охоту, шотландцы – своих вшей, датчане – свои напитки, а норвежцы – сырую рыбу, спеша присоединиться к Воинству Христову. Желающих участвовать в Крестовом походе (само это выражение появилось позднее, современники говорили о «странствиях» или «паломничествах» в Святую Землю – хотя выражение «Крестовый поход» означает, в принципе, не что иное, как «Крестный ход», то есть нечто, совершенно обычное в церковной жизни, причем не только у западных, но и у восточных христиан; так, например, при военных походах Великого Князя Киевского Владимира Мономаха на половцев-кипчаков русскому православному воинству также предшествовало духовенство в ризах с Крестами и церковными хоругвя-

ми, а о православном Галицком князе Ярославе Осмомысле в «Слове о полку Игореве», памятуя о его участии в Крестовых походах западных «паломников», сказано, что он «стреляет салтанов за землями» своими «златыми стрелами»!) оказалось так много, что возникли серьезные проблемы с транспортировкой таких громадных масс крестоносцев. Их многочисленный передовой отряд, состоявший из мобилизованного харизматичным пустынником Петром Амьенским и другими бродячими проповедниками простонародья, фактически не имевшего ни вооружения, ни единого командования, был истреблен сарацинами в Малой Азии почти поголовно.

Главное войско «вооруженных паломников», чье ядро составляли отряды герцога Нижней Лотарингии (Брабанта) Готфрида Бульонского, потомка Карла Великого, и его брата Балдуина Булонского, переправившись через Дунай, собралось зимой 1096–1097 годов близ ромейской столицы Константинополя – «Второго (Нового) Рима» – где вождям крестоносцев пришлось принести ленную присягу православному императору «Византии», как своему сюзерену, то есть верховному светскому повелителю.

Кстати, еще несколькими годами ранее принес аналогичную ленную присягу василевсу ромеев Алексею I Комнину знатный западнохристианский паломник в Святую Землю граф Роберт Фландрский, Голландский и Зеландский, оставивший, после своего возвращения из Иерусалима, в

помощь православному константинопольскому автократору пять сотен тяжеловооруженных рыцарей из своей свиты («кельтов», по «византийской» терминологии), явившихся немалым подспорьем в борьбе греческого императора Алексея с врагами Ромейской василии, Креста и святой Веры Христовой.

Между прочим, факт принесения всеми этими знатными «латинянами» ленной присяги василевсу ромеев Алексею I Комнину (вопреки планам папской курии, направленным на постепенное подчинение своему контролю и своей власти сначала восточной Церкви, а затем и Ромейской василии, с последующим воссоединением – с Запада – Римской империи), говорит о том, что взаимное анафематствование друг друга папой римским и патриархом Константинопольским в 1054 году (позднее названное «великой схизмой») вовсе не воспринималось современниками, ни на Востоке, ни на Западе, как окончательный «раскол» некогда единой Христианской Церкви на Восточную и Западную. Кстати, правильнее было бы писать не о «расколе Церкви», а об «отделении» или «отпадении» западной, римской Церкви от некогда единого тела Вселенской Церкви (хотя уважаемый советский историк Михаил Абрамович Заборов и позволял себе писать в своем фундаментальном труде «Крестоносцы на Востоке», которым мы все зачитывались в детстве и юности, о «православной церкви, окончательно отделившейся от римско-католической в 1054 г.», в действительности дело обстояло со-

всем наоборот)!

Правда, воспитанным в традициях «цезарепапизма» (то есть подчинения духовной власти светской) «византийцам» порой казались странными нравы и поведение западного духовенства, в особенности – тех «латинских» клириков, что участвовали в Крестовых походах, как бы служа прообразом будущих воинственных монашествующих рыцарей учрежденных в Святой Земле после ее освобождения от мусульманского ига военно-духовных орденов (о которых еще пойдет речь на дальнейших страницах нашего правдивого повествования).

Как писала ромейская кесарисса Анна Комнина, дочь василевса ромеев Алексея I, в жизнеописании своего венценосного отца под названием «Алексиада»: «Представление о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы (православные христиане – *В. А.)* руководствуемся канонами, законами и евангельской догмой: «не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель». Но варвар-латинянин совершает церковную службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови Господней, взирая на убийство, и сам становится «мужем крови», как в псалме Давидовом. Таковы эти варвары, одинаково преданные и Богу и войне».

Для сравнения приведем факт, весьма многозначительный, с точки зрения разного понимания отношения христианина к военному делу на Западе и на Востоке бывшей еди-

ной Римской империи. Священник небольшого «византийского городка» читал проповедь своей пастве, когда в городок ворвалась «сарацинская» шайка. Мусульмане начали грабить дома христиан. Не теряя времени на то, чтобы снять священническое облачение, иерей схватил топор (удары обухом топора по металлической или деревянной доске-клепалу нередко заменяли в «византийских» провинциальных церквях колокол, являвшийся достаточно дорогим богослужебным предметом), и бросился на врагов Христа и Христианства. Священник столь усердно проредил их ряды топором, что не ожидавшие подобного отпора «сарацины» обратились в бегство. Какую же награду получил этот достойный иерей Восточной Церкви за спасение Божьего храма и родного города? Он был осужден епархиальными властями, запрещен в служении и не только лишен возможности исполнять свою духовную миссию, но вдобавок на три года лишен возможности участвовать в таинстве причастия…

Тем не менее, отношение «византийцев» к западным «латинским схизматикам», в огромных количествах нанимавшихся на службу в «византийскую» армию и даже составлявших костяк лейб-гвардии константинопольских василевсов, именовавшейся «Этерия», то есть «Дружина», как некогда именовалась отборная гвардия «друзей» («этеров» или «гетайров») Александра Македонского, оставалось скорее сочувственным – до самого захвата «латинянами» Константинополя в 1204 году. Хотя и в 1204 году стены «Нового

(Второго) Рима» – Константинополя – защищали от крестоносцев-«латинян» не столько «греки»-ромеи, сколько их западные наемники – те же «латиняне» (генуэзцы, англичане, скандинавы и прочие «кельты»). Да и впоследствии ромейский василевс Михаил Палеолог не смог бы в 1261 году изгнать «латинян» из захваченного ими более чем на полвека Константинополя, если бы его не поддержали «латиняне»-генуэзцы, приславшие на помощь благочестивому православному автократору своих воинов и полсотни военных гребных кораблей-галер. Впрочем, до этих событий было еще далеко. Вернемся в 1096 год.

Крестоносный энтузиазм гнал «вооруженных паломников» с Христианского Запада со знаком Креста на одежде все дальше вперед. Даже трудности пути не могли остановить их победного марша. К тому же василевс ромеев приказал снабжать их всем необходимым и дал им в помощь опытных советников, проводников и собственное войско.

Почти одновременно в Святую Землю устремились норманнские крестоносцы (через «град Барский» – город Бари – в Южной Италии) и южно-французские «воины Креста» во главе с папским легатом (через Далмацию). Все рати «вооруженных пилигримов» соединились под Антиохией в Сирии. И тут выяснилось, что у них нет ни единого командования, ни даже желания действовать совместно. Хотя почти все предводители объединенной (казалось бы) Христианской армии находились между собой в родствен-

ных или вассально-сеньориальных отношениях, «голос крови» и вассальная верность играли «за морем» (фр.: «outremer», «утремер») еще меньшую роль, чем на родине. Трудности начались с того, что Балдуин Булонский, брат герцога Нижне-Лотарингского, и его люди, самовольно отделившись от остальной «армии Господа», на свой страх и риск завладели весьма удаленным от Иерусалима, формально являвшегося главной целью похода, графством Эдессой (древней Осроеной, именовавшейся по-армянски Урфа), более полувека остававшимся во власти западных христиан.

Вслед за Балдуином Булонским аналогичную активность проявил предводитель южно-итальянских норманнов Боэмунд Тарентский, после продолжительной осады и кровопролитных боев «вооруженных паломников» с «неверными» (в ходе которых крестоносцами было обретено в антиохийской базилике святого Петра легендарное Голгофское Святое Копье) завоевавший (для себя!) богатый город Антиохию – «Невесту Сирии» (3 июня 1098 года) и основавший «франкское» княжество Антиохийское. Этим победам крестоносцев способствовала деятельная поддержка «латинян» населением завоеванных ими территорий, состоявшим, в основном, из христиан (мусульмане стали численно преобладать среди населения «Леванта» лишь после массового истребления ими христиан во второй половине XIII века). Новые господа придали своим заморским владениям привычную феодальную форму, принятую в описываемое время на

Христианском Западе. «Франкские» рыцари Балдуина Булонского и Боэмунда Тарентского получили, на правах вассалов, от своих сеньоров-сюзеренов в лен новые земли и расселились по всему Переднему Востоку, не думая о продолжении похода на Иерусалим.

Вследствие подобных «кровопусканий», остаток «воинства Христова» под командованием Раймунда Тулузского, Готфрида Бульонского «и иже с ними», вознамерившийся продолжать поход на Иерусалим, оказался столь незначительным, что возникли сомнения в возможности отвоевать Иерусалим у мусульман без прибытия новых подкреплений из Европы. К счастью для крестоносцев, в порт Яффу (Яфо, Иоппе или Иоппию, ныне – Тель-Авив), только что захваченный «Христовым воинством», прибыла небольшая, состоявшая всего из четырех кораблей, итальянская флотилия, преследуемая отрядом египетского военного флота вплоть до самой гавани. Находившиеся на кораблях генуэзцы успели не только благополучно сойти на берег сами, но и вытащить на берег свои суда и грузы.

Эти спасенные от египтян итальянские корабли очень пригодились крестоносцам. Теперь в их распоряжении оказалось достаточно дерева и других материалов для постройки осадных машин, а матросы оказались весьма опытными в этом деле мастерами. С огромными трудностями, преодолевая бесчисленные опасности, крестоносцы доставили все в свой лагерь у стен обороняемого египетским гарнизоном

Святого Града.

В соответствии с религиозным характером крестоносного предприятия, приступу предшествовала основательная богослужебная подготовка. Не подлежало никакому сомнению, что если крестоносцам и суждено взять Святой Град Иерусалим, они смогут сделать это лишь в силу религиозного воодушевления и безграничного упования «воинства Христова» на победу правого – Христианского – дела. Поэтому 8 июля 1099 года все «воины Креста», босые, но в полном вооружении, взошли Крестным ходом на Елеонскую гору, а затем на гору Сион. То обстоятельство, что наблюдавшие со стен за Крестным ходом мусульмане на глазах у «вооруженных паломников» с Христианского Запада кощунственно предавали поруганию Кресты, еще больше распалило религиозные чувства и боевой дух вооруженных паломников.

Однако до самого утра 15 июля штурмующие не могли похвастать особыми успехами. Им помогло неожиданное видение. Многие крестоносцы узрели на вершине Елеонской горы некоего рыцаря, указывавшего осаждавшим, куда направить решающий приступ.

Крестоносцы ворвались в город, тесня отступающих во все большем беспорядке мусульман, беспощадно убивая «агарян» (а заодно – и попадавших под горячую руку иерусалимских иудеев), разя направо и налево, до самого «Храма Соломонова» (а точнее – до расположенной на месте древнего храма мечети Аль-Акса), где они учинили такую рез-

ню, что буквально ходили по щиколотки в крови (некоторые хронисты утверждали, что не «по щиколотки», а «по колено», иные же – что «кровь, пролитая в мечети, доходила по самые конские удила»). Несомненно, это обычное для средневековых летописцев преувеличение, типа расхожего выражения: «Кровь лилась горячими ручьями», и т. п. Но и в самом городе воины Божьи стали вести себя совсем «не по-Божески». Словно обезумев от сознания своей великой победы, благочестивые завоеватели бегали по улицам Иерусалима, убивая без разбору всех подряд – мужчин, женщин и детей. Паломники отпраздновали свою победу ужасающей «кровавой баней». Методы ведения военных действий крестоносцами повергли мусульман сначала в изумление, а затем в ужас. До сих пор на Востоке не было принято вести войну с такой степенью беспощадности.

С освобождением Иерусалима меченосными пилигримами от «агарянского» ига казалась достигнутой главная цель «вооруженного паломничества» – возвращение христианам величайших святынь Христианского мира. Однако крестоносцам пришлось продолжать вести борьбу с египтянами, у которых они методично отвоевывали Палестину. Кроме того, завоеванные «франками» (как называли на Востоке всех западных христиан, или «латинян») земли нуждались в налаженной системе управления.

Уже 17 июля 1099 года князья крестоносцев собрались на совещание, чтобы принять решение о государственном

строе своей ближневосточной державы и избрать кого-либо из своей среды правителем Иерусалимского государства. Мнения разделились. Одни выступали за теократию (феократию), то есть за своеобразное церковное государство во главе с «латинским» патриархом (которого еще предстояло избрать; «греческий» православный патриарх Иерусалима уже давно пребывал в безопасном отдалении от Святого Града – в далеком Константинополе). Другие предпочитали видеть во главе нового государства светского владыку – короля. В конце концов, было решено избрать и короля, и патриарха. Это «соломоново решение», стимулировавшее внутренние распри, наряду со многими другими факторами, позднее сыграло роковую роль в судьбе Иерусалимского королевства.

Новым, независимым от Константинополя, «латинским» Патриархом Иерусалимским был избран капеллан (духовник) герцога Роберта Нормандского, Арнульф, а королем Иерусалимским, после отказа графа Раймунда Тулузского от короны – герцог Нижней Лотарингии, потомок Карла Великого Готфрид Бульонский. Однако Готфрид, один из немногих искренних идеалистов среди вождей Первого Крестового похода, решительно отказался от предложенной ему чести. Лишь после долгих уговоров он согласился встать во главе Иерусалимского королевства, да и то без принятия королевского титула, ибо он, по его собственным словам, «не желал носить златой венец там, где сам Христос носил венец

терновый».

Готфрид удовольствовался титулом «адвоката (защитника, заступника или охранителя) Святого Гроба Господня», хотя, согласно некоторым источникам, принял также титул князя *(лат.* princeps).

Правил Готфрид недолго и приложился к роду отцов своих уже 18 июля 1100 года, совершив, по собственному убеждению, величайшее дело своей жизни и прославив весь свой род на веки вечные. За неполный год правления он успел, однако, заложить основы государственного строя Иерусалимского королевства и присоединить к своим владениям, кроме Иерусалима, палестинские города Хеврон, Вифлеем, Рамлу, Лидду, Наб(у)лус (древний библейский Сихем, или Шхем, переименованный римлянами в Флавиа Неаполис, то есть «Неаполь Флавиев», а «франками» – в Наплюзу), Тиверию (Тивериаду) и Назарет. Главные порты страны – Акра (Акка, Аккон, Аккра, Аккарон, Екрон, Сен-Жан д'Акр, Птолемаида), Кесария и Аскалон оставались в руках мусульман, хотя и изъявили готовность платить регулярную дань Иерусалимскому королевству.

С тех пор имя Готфрида Бульонского почиталось в Христианском мире в числе имен «Девяти Бесстрашных», или «Девяти Мужей Славы» (наряду с именами трех античных героев – троянского царевича Гектора, Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря – трех славных библейских воителей – пророка Иисуса Навина, царя-псалмопевца Давида

и Иуды Маккавея – и двух образцовых воинов Христовых – британского короля Артура Пендрагона и «римского императора» Карла Великого). Этой темы мы еще коснемся на дальнейших страницах настоящего правдивого повествования.

После упокоения Готфрида Бульонского группа соратников усопшего – преимущественно его земляков-лотарингцев – в том числе брабантский граф Варнер, или Вернер, де Грец (известный также как Гарнье де Грей), домоправитель Матфей, или Матье, и старший камерарий, сиречь ключник Готфрид, или Годфруа, тезка умершего, взяла Иерусалим под свой контроль и заняла сильным гарнизоном «Башню Давидову». Эти сеньоры хорошо знали, чего хотели, и не теряли даром времени. Не поставив сражавшееся под Акрой с «неверными» христианское воинство в известность о кончине герцога, его самозваные преемники-душеприказчики отправили в Эдессу делегацию, известившую графа Балдуина Эдесского о переходе его доблестного брата Готфрида в лучший мир и одновременно призвавшую его незамедлительно, в соответствии с германским правом кровного родства, вступить в наследство новопреставленного брата и сделаться, как вскоре выяснится, первым Христианским королем Иерусалима.

Глава первая
Становление Иерусалимского королевства «франков»
История Балдуина Булонского, первого Христианского короля Святой Земли

Армянская обетованная земля – Скорбя и ликуя – Дагоберт коронует Балдуина в Вифлееме – Ломбардцы и другие крестоносцы – Бойня под Мерсиваном – Три сражения – три поражения – Скачка наперегонки со смертью – Новая цель – «Ривьера» Средиземноморья – Смерть Раймунда при осаде Триполи – Капитуляция «ливанского Гибралтара» – Боэмунд покидает Антиохию – Кончина герцога Тарентского – Первые союзы «верных» с «неверными» – Берит и Сидон сдаются на милость победителя – Богатая вдова с Сицилии – Последний представитель первого поколения крестоносцев.

1. Армянская обетованная земля

На благословенных Богом, щедрых, солнечных армянских землях, между горами Тавра и рекой Евфратом (или, по-армянски, Арацани), в начале эпохи «вооруженных паломничеств» к Гробу Господню существовал целый ряд небольших

Христианских княжеств, которым удавалось с грехом пополам сохранять, по крайней мере, внешнюю, формальную, независимость от господствовавших в регионе турок-сельджуков. Самое крупное и могущественное из этих армянских княжеств принадлежало князю по имени Торос, чья резиденция располагалась в Эдессе-Урфе. Изворотливому, как угорь, Торосу удавалось кое-как сохранять независимость своего удела, постоянно искусно лавируя между турками-сельджуками и ромеями-«византийцами». Поэтому никто не рисковал с ним связываться. Никто, включая население Эдессы, имевшее все основания сетовать на тяжкие подати, которыми его обложил Торос.

Когда граф Балдуин, или Бодуэн, Булонский, в ходе Первого Крестового похода, в сентябре 1097 года покинул в южноанатолийском городе Тиане (месте рождения легендарного античного теурга-неопифагорейца Аполлония Тианского) свою супругу Годверу и главные силы (или, говоря по-нашему, по-русски, «большой полк») войска крестоносцев, чтобы вместе с норманном Танкредом, племянником герцога Боэмунда Тарентского, начать на свой страх и риск собственную войну с «неверными», в его свите находился великолепный знаток сложных и запутанных семейно-династических отношений в обширной области излучины Евфрата. Этого знатока, присоединившегося к рати Балдуина незадолго перед тем, под Никеей, звали Баграт. Баграт был отпрыском знатного армянского рода. Судя по всему, ему уда-

лось в столь ярких красках описать своему новому господину необходимость прийти на помощь его теснимым турками-сельджуками богатым родственникам, что уже при проходе крестоносцев через Киликийские ворота стало совершенно явным стремление Балдуина завладеть не столицей Сирии Антиохией и уж тем более не Святым Градом Иерусалимом, а плодородными землями по другую сторону Евфрата.

Поэтому Балдуин постарался создать своему конкуренту Танкреду так много трудностей, что тот, после захвата города Аданы, предпочел возвратиться к «большому полку» крестоносцев, дабы попытать счастья при осаде Антиохии – «Невесты Сирии». Сам же Балдуин, во главе своей сотни рыцарей, повернул на восток, принудил к сдаче гарнизоны нескольких турецких крепостей и был встречен ликующим Христианским армянским населением как освободитель от ненавистного ига тюрок-мусульман. На Рождество Христово 1097 году передовые разъезды его «маленькой, да удаленькой» рати уже поили своих коней в водах Евфрата…

В крепости Турбессель (захваченной Балдуином с налета) в первые январские дни 1098 года к графу прибыла делегация князя Эдессы Тороса, которому угрожало сильное войско-«аскар» турецкого эмира Кербоги Мосульского. Торос настоятельно просил Балдуина поспешить ему на помощь в Эдессу. Балдуин охотно взял на себя роль благородного спасителя, однако тянул с окончательным ответом на просьбу о

помощи до тех пор, пока бездетный Торос не обещал разделить с «франкским» избавителем власть над Эдессой и даже усыновить его. Когда армянин Баграт, наверняка преследовавший иные, свои собственные, цели, выразил свое недовольство достигнутой между Торосом и Балдуином договоренностью, и, на пару со своим братом Когом Василем (то есть «Разбойником»), затеял против графа интригу, граф – не менее искусный, дальновидный и хладнокровный интриган, повелел взять кознодея под стражу и подвергнуть его мучительным пыткам. В итоге едва переживший истязания армянин был несказанно рад представившейся ему возможности бежать ночью из узилища и скрыться в родных горах.

6 февраля 1098 года граф Балдуин Булонский, в сопровождении всего шести «франкских» рыцарей, явился в Эдессу-Урфу, где привел население к присяге и породнился с Торосом. С этой целью графу пришлось, по тогдашнему армянскому обычаю, раздеться до пояса, влезть, на пару с Торосом, в особую, рассчитанную на двоих, ритуальную рубаху, и прижаться к голой груди своего свежеиспеченного армянского приемного отца собственной голой грудью. Если верить придворному летописцу и постоянному спутнику графа Балдуина, Фульхерию Шартрскому, супруга Тороса также не упустила случая аналогичным образом прижать к своему материнскому сердцу своего приемного сына – «франкского» богатыря, который был на голову выше даже своего брата Готфрида Бульонского, отличавшегося исполинским ростом.

Сделавшись, по прохождении столь непривычного для «латинян» армянского обряда усыновления, «наследником и соправителем» Тороса, Балдуин через несколько дней во главе своих рыцарей и местного армянского ополчения, выступил в поход на давнего заклятого врага Эдессы – турецкого эмира Балдака Самосатского. Поход был не слишком удачным для христиан, но графу Булонскому все же удалось занять своими гарнизонами несколько захваченных им турецких селений и в значительной степени ослабить постоянное давление сельджуков на Эдессу. К тому же поход Боэмунда на Самосату прославил его имя на всю Христианскую Армению.

Вскоре по возвращении графа, 7 марта, жители Эдессы взбунтовались против непопулярного, невезучего и алчного Тороса. Стоял ли Балдуин за этим бунтом (как утверждает армянский хронист Матевос, или Матвей Эдесский), вряд ли удастся выяснить. Но он, несомненно, сумел хладнокровно воспользоваться выпавшей ему возможностью. Граф Булонский посоветовал своему растерявшемуся армянскому приемному отцу капитулировать, гарантировав ему жизнь и забрав у него ключи от княжеской сокровищницы. Когда Торос на следующий день попытался тайно покинуть Эдессу, он был – с ведома или без ведома своего приемного сына – схвачен бунтовщиками и отправлен из этого мира в мир иной посредством дубинок и пик…

Так граф Балдуин Булонский, оказавшийся хитрей, рас-

четливей и бессовестней всех своих контрагентов и конкурентов, менее чем за пять недель сумел стать единоличным правителем Эдессы и владельцем несметной казны. Первым из всех одержимых «земельным голодом» крестоносцев ему удалось приобрести в собственное владение целое княжество и основать в Святой Земле первое «франкское» государство. Причем сделав это, так сказать, с чистой совестью. Ибо основанное им «латинское» графство Эдесса служило естественным фланговым прикрытием «большому полку» крестоносцев, не решившемуся бы, без такого прикрытия, на столь непредсказуемую авантюру, как осада столицы Сирии – Антиохии. Мало того! Балдуин отвлек на себя значительные турецкие силы. Затеяв в мае трехнедельную, оказавшуюся в итоге бесполезной, осаду Эдессы, сельджукский эмир Кербога Мосульский потерял там драгоценное время, на которое опоздал под стены Антиохии, чтобы не дать «франкам» захватить столицу Сирии. Так Балдуин невольно стал спасителем всего благочестивого предприятия, вошедшего в историю под названием Первого Крестового похода…

Известие о достигнутых графом Булонским успехах скоро дошло до «большого полка» крестоносцев, найдя широкий отклик среди «вооруженных паломников». Немало «латинских» баронов, утомленных тяготами осады Антиохии, перенесло срок выполнения своего паломнического обета на потом и предпочло отправиться в Эдессу. Многие из них, по совету Балдуина, женились на местных богатых наслед-

ницах, получив возможность наслаждаться не только радостями восточного брака, но и такими доходами с обширных поместий, которые им и не снились на родном, достаточно убогом по сравнению с Востоком, Христианском Западе.

Сам Балдуин Булонский не был исключением. Свободный, после смерти своей супруги Годверы, или Гутуеры, и ее детей, в своих решениях, он решил упрочить свое положение женитьбой на местной красавице. Его избранницей стала Арда – дочь армянского царя Киликии Константина I, союзника «франков», давшего за невестой шестьдесят тысяч византийских золотых монет приданого. Этот брак по расчету окончательно позволил не слишком состоятельному графу Булонскому достигнуть положения, позволившего ему вести по-восточному роскошный образ жизни, ни в чем не нуждаясь. Для него «вооруженное паломничество» в Землю Воплощения уже на этом этапе стало походом в «землю обетованную, текущую млеком и медом».

При этом Балдуин не забывал методично расширять подвластную ему – пока еще небольшую – ближневосточную территорию. Он действовал шаг за шагом, по принципу «курочка по зернышку»… И потому зона его влияния уже к лету 1098 года распространилась на территорию, простиравшуюся почти от самой Антиохии до дикого Курдистана. При этом Балдуин проявлял как раз те качества, каких от него требовала сложившаяся ситуация. Не вспоминая о своем паломническом обете поклониться иерусалимским святыням,

бывший ученик Реймсской духовной школы (или, говоря по-современному, семинарии) проявлял религиозную терпимость. Он допускал к участию в управлении своими владениями не только православных армян и греков, но и армян-монофизитов и даже турок-мусульман. С другой стороны, Балдуин требовал от всех своих подданных безоговорочной верности и преданности. При возникновении малейших сомнений в лояльности кого-либо из подданных, граф Эдесский действовал с жестокостью, превосходившей жестокость местных государей (которые, конечно, тоже особой мягкостью не отличались). Схваченным заговорщикам и бунтовщикам Балдуин приказывал выжигать глаза, отрезать носы или отрубать ступни. Совсем как в православной «Византии».

Уже в Эдессе выяснилось, что этот «франк» был изощренней и коварней грека, изворотливее и хитрее армянина, агрессивней и безжалостней сельджука. За это подданные его уважали, хотя и не любили. Ибо в плане взыскивания податей и налогов новый государь Эдессы был таким же требовательным и неумолимым, как и его предшественник – алчный старик Торос, столь ненавистный эдесситам…

2. Скорбя и ликуя

В конце лета 1100 года в эдесский княжеский дворец явился беглый сирийский воин, сообщивший Балдуи-

ну сногсшибательную, сенсационную новость. Норманн Боэмунд, герцог Тарентский и князь Антиохийский, самый опытный, хитроумный и грозный военачальник Великой армии крестоносцев, попал в турецкий плен. Посланец подтвердил достоверность своего известия, предъявив графу Эдесскому русый локон, срезанный с головы плененного турками норманнского герцога, и сообщив подробности, не позволявшие сомневаться в правдивости сообщенных им сведений. По его словам, лихой князь Антиохийский во время совместного с Гавриилом – армянским правителем Малатьи-Мелитины – похода на турок попал где-то в горах Антитавра в турецкую засаду и был схвачен воинами данишмендидского эмира Малика Гази Гюмюштегина. Теперь Боэмунд умолял Балдуина как можно скорей прийти ему на помощь…

Балдуин без промедления отправился, во главе ста сорока рыцарей, вызволять попавшего впросак Боэмунда. Однако граф Эдесский, при всем своем несомненном мужестве, был расчетливым и осторожным человеком, предпочитавшим не искушать чрезмерно судьбу, и потому не дал себя уговорить преследовать сельджукского эмира, когда тот, со своим весьма ценным пленником, стал отступать вглубь Анатолии, чтобы самому не попасть в западню. В итоге Боэмунд, по прошествии нескольких дней, ни с чем возвратился в ставшую ему родной Эдессу, не подозревая, как много для него значит пленение Боэмунда «измаильтянами»…

По воле честолюбивого, эгоистичного патриарха Иерусалимского Дагоберта-Даимберта, поставленного в конце июля венецианскими моряками в известность о смерти первого «франкского» правителя Святого Града Иерусалима – нижнелотарингского герцога Готфрида Бульонского, брата Боэмунда Эдесского – ставшую вакантной должность «Заступника Гроба Господня» должен был занять не брат усопшего Готфрида Балдуин, а норманн Боэмунд Антиохийский. Однако Морелл, секретарь патриарха Дагоберта, получивший от своего господина поручение сообщить этот план князю Антиохийскому, был схвачен в Лат(т)акии-Лаодикии, ограблен до нитки и, возмущенный этим произволом стоявшего за ограблением архиепископа Пизанского, заключен в узилище. И потому ничего не подозревавший Боэмунд отправился в начале августа из Антиохии не в Иерусалим, а в горы Антитавра, где его ожидали засада и турецкая неволя…

Небо решило вопрос наследства Готфрида Бульонского в пользу Балдуина Эдесского. Случайное, до смешного случайное, стечение обстоятельств избавило его от наиболее опасного конкурента.

Между тем в Эдессу прибыло посольство от завладевших Иерусалимом лотарингцев из окружения в Бозе почившего Готфрида Бульонского. Балдуин принял посланцев и услышал от возглавлявшего делегацию Роберта – епископа Рамлы – что доблестный Готфрид, Страж Святого Гроба – приложился к роду отцов своих, и теперь ему, Балдуи-

ну, младшему брату новопреставленного, надлежит унаследовать его столь же почетную, сколь и ответственную должность. Граф Эдесский, судя по сообщению его придворного хрониста Фульхерия Шартрского, как ему и надлежало, состроил скорбную мину, но в то же время возликовал, и это ликование по поводу доставшегося ему наследства превосходило его скорбь по поводу кончины возлюбленного старшего брата. Не мешкая, Балдуин начал готовиться к походу на Иерусалим. Он назначил своего двоюродного брата и тезку Балдуина де Бура (Ле Бурга, де Бурка, Буржского, Бургского), призванного им с этой целью в Эдессу из Антиохии, своим заместителем, и собрал все имевшиеся в его распоряжении вооруженные силы. 2 октября Балдуин во главе двухсот рыцарей и примерно тысячи пехотинцев отправился в Святой Град Иерусалим, где с нетерпением ждали его прибытия сторонники «лотарингской партии».

Прибыв в Антиохию, Балдуин посадил свою жену-армянку Арду с ее придворными дамами на корабль и отправил морем в Яффу – доказательство того, что он трезво оценивал опасности, ожидающие его на пути в Иерусалим. Впрочем, поначалу, предметом его забот и треволнений были скорее турки-сельджуки, чем сторонники патриарха Дагоберта. На подступах к Бериту-Бейруту (современной столице Ливана), в слывшей особо опасной узкой долине так называемой Собачьей реки (или, по-арабски, Нахр эль-Кальб), графа Эдессы поджидало значительно превосходившее его от-

ряд по численности сельджукское войско – «аскар» – Дукака Дамасского. Рать Балдуина оказалась в крайне сложной ситуации. С одной стороны – море, по которому крейсировали мусульманские корабли, с другой – отвесные стены скалистой горной гряды, впереди – грозный турецкий «аскар»…

В своих записках Фульхерий Шартрский признался, что предпочел бы оказаться в родном Шартре или Орлеане, и что был далеко не единственным, кто испытывал аналогичное желание.

Однако Балдуин уверенно и с блеском решил стоявшую перед ним непростую задачу. После первого боевого соприкосновения, октябрьским вечером, он отвел назад свои передовые части. На следующее утро – разыграл притворное отступление, перешедшее в столь же притворное бегство. Турки поспешно бросились преследовать графа Эдесского силами пятисот конных воинов. Когда Балдуин уверился в том, что турецкие конники оторвались от не поспевавшей за ними пехоты, он, повернув назад, обрушился на тюркских всадников силами своих бронников-рыцарей. Разгорелась жестокая сеча, в ходе которой около четырехсот турок были убиты стрелами, секирами, булавами, копьями и мечами христиан. Уцелевшие «измаильтяне», еще шедшие через теснины и не способные из-за узости горных троп своевременно прийти на помощь своим гибнущим от «франкского» оружия соратникам и единоверцам, утратили всякое мужество и обратились в бегство…

К вечеру того памятного дня граф Балдуин Эдесский одержал полную победу над сельджуками Дукака Дамасского, пленив сорок восемь знатных турок и захватив сто пятьдесят прекрасных лошадей. Прибрежная дорога оказалась полностью очищенной от неприятеля. Эдесское войско могло без помех продолжать свой поход.

Правда, завистливый норманн Танкред, племянник Боэмунда, подговоренный патриархом Иерусалима Дагобертом, попытался еще раз силой задержать Балдуина под Яффой, но смог лишь дать графу Эдесскому несколько арьергардных боев. Победа Балдуина под Беритом прославила его и необычайно способствовала росту его популярности во всем «Леванте» (как «франки» называли Ближний и Средний Восток). Невероятный триумф графа Эдессы в сече с «сарацинами» у Собачьей реки придал Балдуину не просто авторитет, но прямо-таки ореол неодолимого и явно пользующегося благословением и милостью небес военачальника, избранника Божьего. Где бы он с тех пор не появлялся, повсюду его с ликованием встречали греки, сирийцы, армяне, славя его как спасителя восточных христиан от «агарян». Но и население Святого Града Иерусалима в восторге приветствовала Балдуина, как долгожданную «сильную личность», в которой оно так нуждалось, и сопровождало его с пальмовыми ветвями в руках и с пением хвалебных гимнов и псалмов, к Святому Живоносному Гробу Господню. Там Балдуин, как было предписано обычаем, сотворил молитву, по-

сле чего приверженцы «лотарингской партии» торжественно вручили ему ключи от «Башни Давидовой» – иерусалимской цитадели.

Единственным, кто не приветствовал графа Эдесского при вступлении в Иерусалим, был его главный ненавистник – патриарх Святого Града Дагоберт. Испытав упадок духа при виде победного въезда Балдуина в «Град Давидов», патриарх удалился в монастырь на горе Сионской, где, в надежде на наступление лучших времен, искал утешения в уединенных молитвах и в книгах, до которых был большой охотник. Балдуин же, бывший ученик духовной школы и безземельный граф Булонский, переживал свой «звездный час».

3. Дагоберт коронует Балдуина в Вифлееме

9 ноября граф Балдуин вступил в Святой Град Иерусалим. 11 ноября он, не спросив ни у кого, принял отвергнутый год назад его братом Готфридом Бульонским титул короля Иерусалимского. Чтобы продемонстрировать, что Иерусалим под его руководством станет чем-то гораздо большим, чем маленьким, подвергающимся постоянной опасности, христианским анклавом, новый король уже через несколько дней во главе ста пятидесяти рыцарей и пятисот пеших воинов выступил в поход – сначала на Аскалон, затем – во внутренние области Иудеи, вплоть до южного берега Мертвого моря

(Асфальтового озера) и, наконец, углубился в пустыню Петрейской (Каменистой) Аравии.

Альберт Ахенский посвятил этой демонстрации Балдуином своего могущества, своей отваги и решимости, несколько страниц своей увлекательной хроники. Он сообщает, например, о том, что «франкские» бароны повстречали на пустынном Синайском полуострове внушающую страх народность, или племя, азопартов, невероятно опустившихся и грязных, обитавших под землей, предававшихся дьявольским искусствам в уединенных пещерах, откуда благочестивому королю Балдуину приходилось регулярно выкуривать их дымом от подожженных дров, кустарников и высушенных солнцем трав. Хронист описывает зловонные реки Содома и Гоморры, а также захват крестоносцами богатого и снабженного в избытке всем необходимым города Гор Сафии, перед стенами которого «латинские» рыцари смогли спокойно предаться уходу за своим телом, прежде чем разграбить и поджечь это осиное гнездо «неверных псов».

Если очистить повествование Альберта ото всех свойственных ему цветистых выражений, риторических украшений, описаний чудес и фольклорных элементов, в «сухом остатке» мы получим следующее: король Иерусалимский Балдуин дал своим верным вассалам возможность перебеситься, обогатиться и распространить вокруг себя страх и ужас. При этом он, однако, не пускался в рискованные, крупномасштабные военные авантюры. В результате король

Святого Града, вновь озаренный ореолом победителя, смог через несколько недель с триумфом возвратиться, во главе уверенного, как никогда, в своих силах и в Божественном покровительстве, крестоносного воинства, в Иерусалим.

Теперь и для патриарха Дагоберта настал час озарения, о котором он так долго молился в безмолвном одиночестве своей монастырской кельи. Он осознал, что было бы в высшей степени неразумно пытаться «поставить на место» этого сильного, хитрого, явно непобедимого Балдуина, напоминая ему обещания, данные его беспомощным во всех делах, кроме чисто военных, старшим братом Готфридом патриарху Святого Града, фактически вынудившего Готфрида уступить ему власть. Баллуин же, со своей стороны, оказался достаточно умным, чтобы не мстить патриарху, и чтобы недооценивать могущество послушного последнему пизанского флота, чьи пиратские капитаны все еще ощущали себя вассалами Дагоберта, архиепископа Пизы.

Поэтому оба соперника – светский и духовный – предпочли забыть о своей былой вражде, осознать общность своих интересов и достичь «консенсуса», то есть взаимопонимания. 25 декабря, в день Рождества Спасителя, патриарх Дагоберт короновал в Храме Рождества Христова города Вифлеема графа Балдуина Булонского и Эдесского первым королем Иерусалима. Тем самым окончательно похоронив мечту главы римской Церкви о создании крестоносцами в Святой Земле теократического государства, подчиненного лишь да-

лекому папскому престолу – Латерану. Дагоберт Пизанский, наверняка не новичок в высокой науке борьбы за власть, нашел себе светского владыку. Признанная совсем недавно Готфридом Бульонским ленная зависимость светского правителя Иерусалима от патриарха Святого Града была вновь низведена до уровня защитно-охранительной функции Заступника Святого Гроба Господня. С тех пор и впредь патриарх Иерусалима считался не более чем митрополитом города, пользовавшегося особым почитанием верующих и отличавшегося особой святостью.

Одним словом, у короля Балдуина были все основания пировать три дня со своими верными вассалами и, как подчеркивал хронист Альберт Ахенский, восседать, в качестве полновластного короля, на иерусалимском престоле.

Но его положение осложнил Танкред – давний соратник и соперник Балдуина еще со времен их совместных авантюр в Киликии. Этот лихой норманн, принявший от Балдуина в лен княжество Галилейское, упорно отказывался признать себя вассалом короля Иерусалима по всей форме, принеся ему присягу верности – «оммаж». Чувствуя себя в полной безопасности за мощными стенами портового города Хайфы, или Кайфы, норманн Танкред фактически игнорировал своего сеньора-короля, не реагируя ни на официальные вызовы в Иерусалим, ни на неофициальные, приглашения для дружеской беседы. Но в итоге Балдуину повезло. Само время нашло соломоново решение вопроса. Танкред решил взять

на себя, за своего томившегося в турецкой неволе, дядюшку Боэмунда, управление осиротевшим Антиохийским княжеством последнего, возвратив королю Иерусалима Галилею (очень недовольный утратой этого лена, но зато сохранивший лицо).

И потому король Иерусалимский смог весной 1101 года продолжить расширение территории своего маленького королевства за счет владений соседних «неверных» восточных правителей, не оставляя своих жаждущих добычи баронов без дела и без вознаграждения. Свою тактику он давно уже приспособил к специфическим условиям Святой Земли. Балдуин старался по возможности избегать отнимавшей много сил и времени осады укрепленных поселений «сарацин», специализируясь на гораздо более доходной тактике установления контроля над караванными путями. Современные его правлению хронисты сходятся во мнении, что эти грабительские набеги (или, выражаясь языком донских казаков Степана Разина – «походы за зипунами») – своего рода партизанская война – и впрямь решали все его материальные проблемы. Захватив в марте гнездо богатого арабского бедуинского племени и получив за возврат взятых им в битве у Собачьей реки сорока восьми турецких военнопленных солидную сумму в пятьдесят тысяч «византинов» (или же «безантов» – «византийских» золотых монет), он смог, наконец, доверху наполнить свою войсковую казну.

При своих набегах (или же наездах) на арабские кочевья и

поселения Балдуин действовал предельно беспощадно, последовательно применяя стратегию и тактику систематической, сознательной жестокости. В скором времени этот метод ведения военных действий вызвал к нему огромное уважение со стороны «неверных». Однако, по мере необходимости, он умел располагать к себе «муслимов» благородными, рыцарственными поступками и жестами. Как говорится, применяя «кнут и пряник…».

Когда во время кровавой акции против очередного племени арабских «бедави» – «сынов пустыни» – в руки Балдуина попала собиравшаяся вот-вот родить жена бедуинского шейха, он великодушно принял ее под свою королевскую опеку. Он набросил на нее свой плащ, даровал ей свободу, пощадил и ее прислужниц, снабдив их питьевой водой, провизией и парой верблюдиц, после чего оставил пощаженных им женщин в совершенно разоренном стойбище. Сообщение о том, что молодая бедуинка той же ночью благополучно разрешилась от бремени на обочине караванного пути, возможно, было выдумано хронистами Крестового похода, известными своим пристрастием к драматическим эффектам. Но факт остается фактом – ни единый волос не упал с головы бедуинки. А ее супруг, нисколько не пострадавший при набеге «троебожников» и вскоре возвратившийся к брошенной им на милость «латинян» супруге, был настолько обрадован великодушием венценосного «франкского» разбойника, что обещал в свое время воздать ему за добро добром

сторицею.

Настал, однако, день, когда Балдуин осознал военную и экономическую необходимость установления своей власти над прибрежными городами Земли Воплощения. С помощью генуэзского флота, прибывшего 15 апреля 1101 года в порт Яффу с новым папским легатом – кардиналом-епископом Морисом, или Маврикием, из Порто – на борту, король Иерусалима овладел сначала Арсуфом, а – затем Кесарией Палестинской, отняв их у египтян. Правда, этот успех достался ему дорогой ценой.

Визирь египетского фатимидского халифа Аль-Афдаль ответил на утрату египтянами двух крупных портов мобилизацией тридцатитысячного войска, стянутого по его повелению под Аскалон. Оттуда египтяне двинулись на Аль-Кудс-Иерусалим. Путь египетского «аскара» шел через Рамлу, чьих предместий египтяне достигли в начале сентября. Король Иерусалима Балдуин, способный противопоставить столь внушительным силам «неверных» всего лишь двести шестьдесят рыцарей и девятьсот «пешцев» (как называли пехотинцев в Древней Руси), оказался в очередной раз перед дилеммой: либо разом поставить все на карту, либо капитулировать перед лицом превосходящих сил противника. Посоветовавшись со своими баронами, король Святого Града принял типично рыцарское решение – не мешкая, атаковать «проклятых сарацин».

Как обычно в подобных случаях, хронисты при описании

битвы «латинян» с «агарянами» при Рамле не скупились на красивые слова и впечатляющие фразы, восхваляя при этом (как и подобало им – лицам духовного звания) в цветистых выражениях не только доблесть и отвагу, но и благочестие «франкского» короля. Тем не менее, из их столь же драматичных, сколь и высокопарных репортажей о битве, явствует, что своей очередной победой крестоносцы были обязаны исключительно достигнутому ими эффекту внезапности.

После разгрома «сарацинами» и беспорядочного отступления трех из пяти отрядов королевской рати, отважный Балдуин на глазах своих начавших колебаться рыцарей, простерся ниц перед Святым Крестом, молниеносно сотворил достойный плод покаяния во всех своих грехах, после чего очертя голову бросился в самую гущу яростной схватки. Верхом на славившемся своей резвостью арабском боевом коне по имени Газель – сказочно-прекрасном чистокровном скакуне, будто сошедшем с страниц «Тысяча и одной ночи» – король Святого Града во главе своего последнего уцелевшего от разгрома отряда пробился до самого центра египетского «аскара» и привел его, собственноручно отрубив фатимидскому военачальнику голову одним-единственным взмахом меча, в такое смятение, что «неверные», как двумя годами ранее – под Аскалоном, обратились в «гиблое» (используя выражение древнегреческого драматурга Эсхила из трагедии «Персы») бегство, оставив на покинутом ими поле боя несметную добычу.

День битвы при Рамле стал днем новой блестящей победы «латинян» над «агарянами». С этого дня даже стоики-мусульмане могли произнести имя «Балдуин» лишь с тяжелым сердцем и чувством стыда. Иерусалим смог, наконец, перевести дыхание. Хотя одновременно в Святой Град пришли известия из Анатолии, поколебавшие миф о непобедимости «вооруженных паломников» с Христианского Запада.

Что же там произошло?

4. Ломбардцы и другие крестоносцы

В странах Христианского Запада (или, как говорили мусульмане, «Франкистана»), чьи уроженцы дали увлечь себя идеей «вооруженного паломничества» в Землю Воплощения – прежде всего, во Франции, известие об освобождении «паломниками» от «сарацинской» власти Иерусалима в 1099 году вызвало настоящую волну энтузиазма. Монахи-проповедники – бродячие церковные пропагандисты – в очередной раз разбрелись по Христианскому миру тысячами, убеждая своих слушателей в очевидном и несомненном Божественном благоволении участникам «вооруженного паломничества» в Иерусалим, и призывая их не только к новому Крестовому походу, но и к переселению как можно большего числа западных христиан в Святую Землю (иначе говоря – к ее колонизации). Впечатление от их пламенных и убедительных проповедей усиливалось рассказами «пили-

гримов», возвратившихся из Земли Воплощения и повествовавших, по неписаным правилам ветеранов, больше о чудесах и радостях своего паломничества, чем о перенесенных ими в походе тяготах и страданиях. Однако и они не скрывали, что освободителям Святой Земли срочно необходимы подкрепления.

Похоже, что успех этой новой массовой «рекламной кампании» (а по существу – вербовки новобранцев) превзошел успех Клермонского воззвания папы Урбана II 1095 года. Особый паломнический энтузиазм на этот раз проявило население Северной Италии. Уже в начале 1100 года в североитальянской области Ломбардии (бывшем царстве германцев-лангобардов) под главенством архиепископа Миланского Ансельма и графа Альберта Бьяндрате были сведены воедино многочисленные вооруженные отряды, довольно пестрые по составу. Ядро новой «рати Творца» составили несколько сотен рыцарей, испытанных в боях, основную же массу – всевозможный сброд, бродяги и разбойники с большой дороги, бездельники из городских трущоб, распаленная проповедями до фанатизма, склонная к дракам и всяческим эксцессам чернь, ничем, по существу, не отличавшаяся от буйной и бесчинствующей «паствы» Петра Пустынника – предводителя «Крестового похода бедноты» 1096 года, ставшего прелюдией к Первому «вооруженному паломничеству» в Землю Воплощения рыцарской Великой армии Готфрида, Раймунда, Боэмунда и других государей Христиан-

ского Запада.

Но ломбардский контингент был не одинок. Во Франции взял Крест герцог Гийом, или Вильгельм, IV Аквитанский, прославленный рыцарь и трубадур, образованный и культурный, легкомысленный и испорченный, а также – заклятый враг графа Раймунда Тулузского, с которым он ожесточенно боролся за наследство. Ветеран Первого Крестового похода Стефан Блуас(с)кий, тайно и самым бесславным образом бежавший ненастной ночью из осажденной Антиохии, теперь повторно принес обет свершить паломничество в Иерусалим, униженный постоянными упреками своей жены-норманнки Адели, обзывавшей его презренным трусом даже на супружеском ложе. Да и брат французского короля граф Гуго де Вермандуа, не проявивший, мягко говоря, особой доблести в Первом Крестовом походе, оказался под таким давлением осуждавшего его поведение общественного мнения, что решил повторно взять на себя апокалиптические тяготы «вооруженного паломничества» в Святую Землю.

К Гуго присоединился граф Стефан, или Этьен, Бургундский с небольшим, но хорошо вооруженным войском. Сильнейший контингент, численностью примерно пятнадцать тысяч воинов, был мобилизован опытным военачальником графом Гийомом, или Вильгельмом, I Неверским. Духовно окормляли «ратников Христовых» архиепископ Безансонский, а также епископы Парижский, Ла(о)нский и Суассонский.

На этот раз волна крестоносного энтузиазма в гораздо большей степени, чем в месяцы после Клермонского призыва, прокатилась и по землям Священной Римской империи – Германии с прилегающими областями. Шталмейстер римско-германского императора Конрад собрал под своим знаменем две тысячи «Христовых воинов». Баварский герцог Вельф IV – уже немолодой, однако не утративший былой бодрости, знатный вельможа, возжелавший, устав от треволнений своей бурной жизни, благочестиво и созерцательно провести ее конец в Святой Земле, последовал страстному призыву проповедников. Его сопровождала маркграфиня Ида Австрийская, в прошлом – писаная красавица, начавшая, однако, увядать, и потому готовая отказаться от всего мирского, предавшись впредь молитвам и спасению души. Князей римской Церкви баварско-австрийского региона в этом «вспомогательном» или «промежуточном» Крестовом походе (не удостоившемся порядкового номера в истории «вооруженных паломничеств» в Святую Землю) представлял архиепископ Зальцбургский Тимо(н).

5. Бойня под Мерсиваном

Пылкие ломбардцы первыми из «воинов Креста» дошли весной 1101 года до «Второго Рима» на Босфоре. Уже под стенами Константинополя выяснилось, что они совершенно непригодны ни для создания государства, ни для ведения

войны. Несмотря на благожелательное отношение ромейских императорских властей и на добросовестное снабжение ими «лонгивардов» (то есть «лангобардов», как ломбардцев называли «византийцы») всем необходимым, пришельцы из Северной Италии вели себя так неподобающе и недисциплинированно, что радушный василевс ромеев Алексей I Комнин пересмотрел свое отношение к «пилигримам» и прекратил снабжать их продовольствием. Они ответили на эту вполне обоснованную меру «греческого» императора тем, что взяли приступом Влахернский дворец василевса ромеев. Согласно хронисту Альберту Ахенскому, не скрывавшему своего презрения к североитальянским «паломникам», они, вооружившись кирками, топорами и железными молотами, в двух местах ворвались во дворец, для начала умертвили юношу императорской крови, а затем убили безобидного ручного льва, доверчивого к людям, прохаживавшегося по дворцовому саду.

Разгневанный донельзя, но привыкший скрывать свои чувства василевс ромеев Алексей, предоставив миланскому князю Церкви Ансельму и графу Альберту Бьяндрате успокаивать разъяренных «лонгивардов», позаботился о том, чтобы как можно скорее переправить их из Европы в Малую Азию, подчинив ломбардцев командованию графа Раймунда Тулузского. Последний провел зиму в гостеприимном Константинополе, теперь же был избран василевсом ромеев Алексеем на роль предводителя новых «паломниче-

ских» ратей, которым предстояло повторить путь прежних, пройдя по старому «паломническому» маршруту 1097 года через Анатолию и Сирию – дальше, в Палестину.

В Никомидии Раймунд дождался прибытия войска, собранного двумя Стефанами – Блуаским и Бургундским – а также контингента римско-германского императорского маршала Конрада, после чего, эскортируемый пятью сотнями служилых печенегов василевса ромеев, во главе своего сводного отряда дошел до Анкиры (современной Анкары, столицы Турции).

В Анкире, где дисциплина «рати трех народов» настолько ослабла, что, если верить опечаленному данным обстоятельством хронисту Альберту Ахенскому, «многие из народа» предались достойным осуждения порокам и половым излишествам, предводители ломбардцев пришли к абсурдной мысли отправиться сначала в северную Анатолию, дабы вызволить князя Боэмунда Антиохийского, все еще томившегося в Неокесарии в узилище, в которое норманн был заключен эмиром Данишмендом. Идея была совершенно безумной и нелепой с военной точки зрения, ибо идти походом на Неокесарию означало бесконечно странствовать по пустыне и скалистым горам под убийственными лучами палящего летнего солнца, подвергаясь постоянным нападениям неприятельских конных лучников. Причем совершить этот «марш в никуда» должно было не организованное войско, а пребывавшее в полном беспорядке и разброде разноязыкое

скопище, в чьих рядах число безоружных некомбатантов – женщин и детей, монахов и священников – похоже, превышало число вооруженных.

Опытный полководец, Раймунд, вероятно, при поддержке Стефана Блуаского и «византийского» военачальника Цита, возражал против принятия этого неразумного во всех отношениях плана. Однако ломбардцы, поддавшись льстившей их самолюбию заманчивой иллюзии, что смогут собственными силами вызволить из сельджукского узилища знаменитого герцога Тарентского и тем навеки прославиться, в итоге добились своего. В конце июня 1101 года они продолжили свой путь из Анкиры в северо-восточном направлении, следуя, мимо сожженных сел и отравленных колодцев, по пятам сельджукских войск султана Килич-Арслана, которые, используя многократно оправдавшую себя в истории «скифскую» тактику, заманивали «многобожников» в совершенно безлюдную местность.

Когда крестоносцы уже в начале июля близ Гангры чуть не попали в окружение, даже легкомысленные ломбардцы осознали бессмысленность своего замысла и признали правоту Раймунда. Они согласились с его предложением взять курс на Черноморское побережье, чтобы укрыться в ближайшем ромейском порту. Однако по прошествии всего нескольких дней непостоянные и переменчивые «лонгиварды» снова изменили свой план, опять повернули на восток и были, ослабленные потерей множества людей, настигнуты под Мерсива-

ном, близ реки Галис, превосходящими турецкими силами – объединенным войском султана Килич-Арслана, эмира Малика Гази Данишменда и Ридвана, владыки Халеба (Алеппо).

Катастрофа разыгралась, как «по нотам». Турки силами своих конных лучников стремительно атаковали почти не обученные, мало знакомые с военным ремеслом скопища ломбардцев, разогнали их во всех направлениях и произвели в рядах «рати Творца» столь великое смятение и сумятицу, что французские и немецкие рыцари также предпочли убраться подобру-поздорову, совсем не в духе Христианской заповеди любви к ближнему бросив на произвол судьбы хвастливых, но совершенно небоеспособных «лонгивардов» вкупе с безоружными некомбатантами и всем войсковым обозом.

Турки же смогли сполна насладиться плодами своей триумфальной победы, достигнутой ими почти без потерь. Согласно Альберту Ахенскому – единственному из хронистов Крестовых походов, описавшему печальные для крестоносцев события лета 1101 года – «измаильтяне», как бешеные, набросились на знатнейших и благороднейших прекрасных дам французских и итальянских рыцарей. Женщин преклонного возраста «агаряне» убивали на месте своими напоенными христианской кровью мечами. Других они истязали многократным плотским соитием, после чего обезглавливали. Третьих, снискавших, благодаря своим пригожим лицам

и статному телосложению благоволение в глазах язычников, «неверные», как угнанный скот, продавали в рабство варварским народностям…

Победоносными турками были почти поголовно перебиты и все слуги «рыцарей Креста». Спастись смогли только знатные сеньоры со своими конными телохранителями. Раймунд, со своим «византийским» эскортом, с трудом добрался до Бафры в устье Галиса. Стефан Блуаский со своим тезкой Стефаном Бургундским и немцем Конрадом пробились к Черноморскому побережью, откуда, во главе трех тысяч уцелевших «пилигримов» возвратился в Новый Рим – Константинополь.

6. Три сражения – три поражения

К этому времени успела погибнуть и рать графа Гийома Неверского. Французские бароны в конце июля, через четыре недели после ломбардцев «и иже с ними», достигли Анкиры, а затем, не дождавшись никаких известий или указаний от Раймунда, пустились в путь по маршруту крестоносцев 1097 года, по дороге в Иконий-Конью – старую столицу сельджукского султаната Рум. Столкнувшись с упорным сопротивлением турецкого гарнизона, «паломники» двинулись дальше, в направлении Ираклии, попали в устроенную сельджуками засаду и в течение нескольких часов были перебиты опьяненными победой воинами султана Килич-Ар-

слана и эмира Малика Гази.

Лишь немногим уцелевшим в этой бойне разрозненным отрядам «многобожников», включая самого графа Неверского, после бешеной скачки через горы Тавра, с массой приключений, удалось добраться до укрывшей их за своими мощными стенами «франкской» Антиохии. Этим немногим выжившим – больным, оборванным, умирающим от голода (и якобы обобранным до нитки воинами «византийского» императора), потребовался долгий отдых, прежде чем они, укрепив свои силы потреблением обильного количества вина, елея и сочного мяса, смогли, как бы воскреснув к новой жизни благодаря гостеприимству норманна Танкреда, железной рукой правившего Антиохией в отсутствие своего дяди Боэмунда, подумать о продолжении своего похода в Святой Град Иерусалим.

Через несколько недель после гибели «армейской группы» графа Неверского, в начале сентября, в Ираклию прибыли также баварские и аквитанские крестоносцы под командованием герцогов Вельфа и Гийома, шедшие в Святую Землю с поразительной, прямо-таки обезоруживающей беспечностью, Почти зажарившиеся в собственном соку в жаркой, словно печка, Анатолии, они, немного не дойдя до Антиохии, не выслав вперед разъездов и не позаботившись о боевом охранении, в полном беспорядке бросились в сулившие им утоление жажды и свежесть воды реки… и слишком поздно обнаружили, что угодили в западню. Сельджукские стрел-

ки из лука, спрятанные в прибрежных зарослях, осыпали их градом своих метких смертоносных стрел, кося неосторожных и беспечных «франков» целыми рядами. Это очередное нападение «измаильтян» на «латинян» также завершилось уничтожением всего войска самоуверенных «франков», не сомневавшихся в своей близкой победе.

На этот раз пришлось заплатить свою «десятину» не только простым рыцарям и воинам, но и предводителям крестоносцев. Архиепископ Тимо(н) был пленен и казнен «неверными». Прелестная, благочестивая маркграфиня Ида погибла под копытами турецких скакунов (утверждение некоторых источников, что маркиза была пощажена «неверными» за свою красоту и продана в гарем, где родила сына, ставшего впоследствии знаменитым мусульманским полководцем Зенги, представляется маловероятным, хотя бы по причине ее преклонного возраста). Гуго де Вермандуа и де Валуа – сын Анны Ярославны, дочери князя Киевского Ярослава Мудрого, ставшей королевой Франции, и младший брат короля Филиппа I Французского – избалованный и привыкший к роскоши блестящий кавалер, везший в Первом Крестовом походе папское знамя, смог, весь израненный, с трудом добраться до киликийского города Тарса (чуть не разграбленного норманном Танкредом в ходе Первого «вооруженного паломничества»), где и скончался от полученных ранений.

Только герцогам Аквитании и Баварии удалось спастись от гибели под тюркскими мечами. Аквитанский трубадур,

сопровождаемый всего лишь одним конюхом, сумел укрыться за стенами Тарса. Баварец, безоружный и оборванный – за стенами Антиохии.

Общий итог этого «дополнительного», или «промежуточного», Крестового похода в Землю Воплощения был, мягко говоря, неутешительным, если не сказать – катастрофическим: три поражения «войска Творца» в трех кровавых сражениях. Три разгромленных и истребленных почти поголовно «франкских» рати. Турки-сельджуки пришли в себя, оправились от шока Первого Крестового похода, и воспрянули духом. Легенда о непобедимости «франкских» баронов растаяла, как снег, под убийственно-жгучими лучами жаркого, словно вулкан, анатолийского солнца. План заселения Святой Земли крестоносцами-колонистами пришлось сдать в архив. Дороги, ведшие из «Византии» в Сирию, остались в руках «неверных». Тем большую роль в дальнейших планах крестоносцев стали с тех пор играть флоты итальянских торговых городов-республик.

«Франкские» рыцари не могли найти своим страшным поражениям иного объяснения, кроме измены. А кто им изменил? Кто их предал? Конечно же, двуличные «византийцы», кто же еще! С тех пор «франки» еще пуще возненавидели «лживых и лукавых греков». Со своей стороны, василевс ромеев Алексей Комнин оказал спасшимся от сельджукского меча и еле добравшимся до Константинополя «латинским» баронам и рыцарям, открыто обвинявшим «гре-

ков» в двурушничестве, подчеркнуто холодный прием. Хотя «греческий» император предоставил беглецам кров и пищу на зиму, он поспешил в самом начале следующей весны отправить морем в Антиохию из всех – своего друга Раймунда Тулузского и Стефана Блуаского, графов Бургундского и Бьяндрате, шталмейстера Конрада, архиепископа Миланского и прочих высокопоставленных клириков – целую фалангу крестоносцев, потерпевших поражение и представлявших собой не реальное подкрепление для «франкских» рыцарей в Святой Земле, а скорее обузу.

7. Скачка наперегонки со смертью

Весной 1102 года эти «битые, за каждого из которых двух небитых дают», в сопровождении эскорта, высланного им навстречу королем Святого Града Балдуином и встретившего их под Бейрутом, отправились в Иерусалим, выполнили свой паломнический обет, помолившись у Гроба Господня, и, радушно принятые королем Иерусалимским, в сердечном веселье отпраздновали вместе с ним великий Праздник Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. После чего взошли в Яффе на корабли, чтобы возвратиться на родину. Однако лишь одному из них удалось добраться до дома без приключений.

Герцог Гийом Аквитанский летом возвратился в полном здравии в благодатную, изобильную вином землю своих от-

цов, где смог вновь посвятить себя изящному, утонченному, куртуазному искусству поклонения прекрасным дамам, достигнув, в роли трубадура и любовника, большей славы, чем та, которую он пытался обрести в роли участника «вооруженного паломничества».

Герцог Вельф Баварский умер по дороге домой на острове Кипр. Графы Блуаский и Бургундский были близ Яффы настигнуты разыгравшейся на море бурей и, после кораблекрушения, выброшены чуть живыми на берег, где им пришлось снова вступить в вооруженную борьбу с «врагами Имени Христова». Ибо оказалось, что на Иерусалим наступает очередной египетский «аскар», и королю Балдуину I была необходима каждая рука, способная держать прямой, как правда Божия, двуострый Христианский меч.

На этот раз, однако, избалованный своими прежними победами над «сарацинами» Балдуин Иерусалимский совершил серьезную ошибку. Получив, очевидно, недостоверные сведения от своих высланных вперед разведчиков, он недооценил силу неприятельского войска и необдуманно атаковал – опять под Рамлой – силами пятисот конников двадцатитысячную египетскую армию каирского халифа. Хотя поначалу лихо атаковавшим египтян «франкским» баронам во главе с самим королем Иерусалима, удалось врубиться в самый центр мусульманского «аскара», они, как капля, растворились в море «агарян», сразивших большинство отважных крестоносцев.

Балдуину со своим ближайшим окружением удалось пробиться к Рамле. Они засели в единственной прочной башне обветшавших городских укреплений, ожидая скорой и неминуемой гибели. Ибо еще до наступления темноты египтянам удалось окружить усталые остатки Христианской рати.

Но тут свершилось великое чудо. В этой безвыходной, безнадежной ситуации Балдуин, по сообщениям хронистов Крестовых походов, получил награду за милосердие, оказанное им за год до этого беременной на последнем месяце супруге шейха арабских «сынов пустыни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.